

С- 769987

На правах рукописи

Султанбаева Хадиса Валиевна

**СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА
В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА**

10.02.02 — Языки народов
Российской Федерации (башкирский язык)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Уфа — 2008

Работа выполнена на кафедре башкирского и общего языкознания
ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Научный консультант доктор филологических наук, профессор,
член-корр. АН РБ
Зайнуллин Марат Валиевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
член-корр. АН РБ
Галляутдинов Ишмухамет
Гильмутдинович

доктор филологических наук, профессор
Егоров Николай Иванович

доктор филологических наук, профессор
Галлямов Филус Гатипович

Ведущая организация Институт истории, языка и литературы
УНЦ РАН РФ

Защита состоится «16» сентября 2008г. в 11⁰⁰ часов
на заседании диссертационного совета Д 212.013.06 по защите диссер-
таций на соискание ученой степени доктора филологических наук при
ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет» по адресу:
450074, г. Уфа, ул. Фрунзе, 32.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского
государственного университета

Автореферат разослан «16» сентября 2008г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000437321

В

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Проблема служебных частей речи в языках различной типологии привлекала и продолжает привлекать внимание лингвистов. Как известно, служебные слова могут быть выделены в особый класс только в языках, которые относительно условно называются морфологизованными. Однако степень их морфологизованности различна, то есть в каждом отдельном типе языка можно выделить неодинаковые классы слов, обладающих определенными грамматическими свойствами. Так, если в отношении русского языка и некоторых других можно с уверенностью говорить, что они обладают развитой и вполне сложившейся грамматической системой морфологических форм, то по отношению к агглютинативным языкам, к которым относится башкирский, такой ясности, на наш взгляд, пока еще нет, что говорит о несомненной актуальности данной проблемы как для тюркологии, так и лингвистики в целом. И речь здесь должна идти не только о служебных частях речи, но и о всей грамматической системе башкирского языка.

Проблема, таким образом, имеет несколько уровней представления и решения. Основное внимание в работе уделено, с одной стороны, таксономическому аспекту: выявлению на основе имеющегося фактического материала всего объема языковых единиц, которые могут быть охарактеризованы как служебные, с другой стороны, функциональному: подробной характеристике того круга значений, которые они выполняют в структуре предложения. Данный подход, как нам представляется, даст возможность избежать априорных схем, когда те или иные языковые факты либо подгоняются под определенную, заранее избранную парадигму анализа, либо исключаются из рассмотрения, и получить теоретические положения и выводы из наличного языкового материала, из наблюдений над реальным функционированием языковых единиц в речи.

Служебные части речи обычно не входят в сферу пристального внимания языковедов, поскольку основное внимание уделяется преимущественно знаменательным частям речи. Они рассматриваются как необходимые, но все же скорее как факультативные средства языка, что отразилось и в самом их наименовании — *служебные* или *вспомогательные* слова. При этом остается целый ряд вопросов, связанный не только с проблемой функционирования служебных частей речи в языке, но и с самим их происхождением, особенностями проявления их морфологических и синтаксических функций в языках различного типологического строя. Все это и предопределяет актуальность исследования и необходимость как теоретического, так и практического

анализа служебных частей речи в языке.

Объектом исследования выступают служебные части речи башкирского языка, представленные как в словарях, так и в художественных текстах.

Цель диссертационного исследования заключается в описании всего корпуса служебных частей речи башкирского языка, определении их функций в речи, выявлении лексико-грамматических значений, передаваемых ими.

В соответствии с поставленной целью в диссертации решаются следующие задачи:

1. дается теоретико-методологическое обоснование выделения служебных частей речи в разных языках и в башкирском языке, в частности;
2. определяются структурно-типологические особенности башкирского языка в сравнении с другими языками, способствующие адекватному описанию служебных слов;
3. определяются место и состав служебных частей речи в башкирском языке;
4. описываются функционально-семантические особенности служебных частей речи в башкирском языке.

Методологической основой диссертационного исследования послужили фундаментальные идеи, касающиеся общих сущностных характеристик языка и языковых функций — понимания языка как средства общения и оформления знаний человека, деятельностный аспект (антропоцентризм) языка, языковая прагматика.

Теоретической базой исследования стали достижения последних десятилетий в области традиционной, функционально-когнитивной лингвистики, исследования прагматической сущности служебных слов.

В многоаспектной интерпретации служебных частей речи мы опирались на работы таких отечественных лингвистов, как В.В.Виноградов, А.М.Пешковский, М.И.Стеблин-Каменский, О.П.Суник, А.М.Мухин, В.М.Солнцев, Г.С.Клычков, Т.М.Николаева, Дж.Г.Киекбаев, М.В.Зайнуллин и др.

В диссертации на разных этапах исследования привлекались различные **методы** лингвистического анализа: компонентный, с помощью которого производилось моделирование структур значений исследуемых служебных слов, с выделением интегральных и дифференцирующих составляющих; сопоставительный и контекстуальный методы, которые позволили вычленить крупные разряды и более мелкие блоки в составе каждого разряда служебных слов (последлогов, союзов, частиц) и установить в них

отношение эксплицитных и имплицитных

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО
КАЗАНСКОГО ГОС. УНИВЕРСИТЕТА

компонентов семантики, определить их национально-культурную специфику; сопоставительный прием анализа словарных дефиниций и контекстных реализаций, давший возможность выявить их семанτικο-прагматические характеристики.

Фактическим материалом послужили художественные произведения башкирских писателей, современная периодика, произведения фольклора (сказки, пословицы и поговорки), различные словари башкирского языка.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1. Впервые в башкирском языкознании все разряды служебных частей речи (послелог, союзы, частицы) рассматриваются в полном объеме.
2. Дается дифференцированный анализ функций каждого разряда с учетом их конструктивных, коммуникативных, коннотативных и прагматических характеристик в современном башкирском языке.
3. В соответствии с функциональной нагрузкой и структурными, семантическими, коммуникативно-прагматическими параметрами определяются теоретико-методологические основания выделения служебных слов в башкирском языке и распределения их в отдельные разряды.
4. С опорой на лексикографическую интерпретацию служебных частей речи описывается их функционирование в составе высказываний, характеризующих наиболее высокий уровень употребления и реализации их коммуникативно-прагматического потенциала.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Служебные части речи являются одними из ведущих структурных элементов языка, которые, наряду с предикативным ядром высказывания, формируют высказывание, выступающее в качестве языковой единицы, обеспечивающей главную функцию языка – быть средством общения, передачи знаний и взаимодействия коммуникантов в процессе речевой деятельности.
2. Вследствие того, что башкирский язык занимает промежуточное положение между синтетическими и аналитическими языками, области функционирования служебных частей речи (а также и морфем, входящих в состав словоформ) в значительной мере перекрывают друг друга, что приводит к таким явлениям, как омонимия и полисемия.
3. Служебные части речи связаны с контекстом и конситуацией высказывания, его пространственно-временной локализацией и служат одним из средств выражения категории предикативно-

сти и отнесения содержания высказывания к действительности, а также, наряду с вводными конструкциями, для выражения отношения говорящего к содержанию высказывания.

4. Активный процесс формирования корпуса служебных частей речи в современном башкирском языке продолжается и в настоящее время, что предопределяет их многозначность, обусловленную многообразием характерных для них функций.
5. Классификация служебных частей речи делает необходимым учет особенностей их употребления в составе высказывания и выявление всего набора выполняемых ими функций - конструктивной, грамматической, содержательной, коннотативной, прагматической, — которые раскрываются в предложении и служат для характеристики каждого отдельного разряда служебных частей речи. При этом неизбежно возникают промежуточные группы, обладающие свойствами различных служебных частей речи.
6. Функциональная значимость служебных частей речи тесно связана с их местом и ролью в структуре высказывания, поскольку они участвуют в организации членов предложения, типов высказывания (простых, осложненных и сложных), их модального и прагматического компонентов, помогая не только выстраивать иерархию сложных синтаксических типов значений, но и выражать «отношения между высказыванием, говорящим и контекстом в рамках человеческой деятельности» (В.Г. Гак).

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней впервые в башкирском языкознании представлен теоретико-методологический анализ категориально-понятийной парадигмы, лежащей в основе выделения служебных частей речи в особый класс языковых единиц с их дальнейшей дифференциацией. Данный анализ позволяет по-новому определить место и роль служебных частей речи в системе языка.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при разработке теоретических проблем как башкирского языкознания, так и тюркологии в целом; при подготовке теоретических и практических курсов по общему и тюркскому языкознанию, для детальной функциональной характеристики служебных частей речи при разработке курсов по башкирскому языку, сравнительно-сопоставительному, сравнительно-историческому языкознанию. Материалы диссертации могут быть также использованы при проведении спецкурсов по башкирскому языку и ряду других лингвистических дисциплин.

Апробация исследования. Основное содержание работы получи-

ло освещение в 46 статьях, в том числе в научных изданиях, рекомендованных ВАК для публикации материалов докторских диссертаций - 7 статей (см. в списке), двух монографиях «Система служебных частей речи (на материале башкирского языка)» (Уфа, 2006), «Служебные части речи в современном башкирском языке» (Уфа, 2002). Основные положения диссертации отражены в выступлениях на научно-практических конференциях различного уровня: международных (Уфа, 2006, 2007); всероссийских (Уфа 2006, 2007, 2008); (Стерлитамак 1999, 2005, 2007; Нефтекамск 2006); республиканских (Уфа 2000, 2001, 2003, 2004, 2007); региональных (Бирск 2003, 2004, 2005, 2006; Стерлитамак 2004, 2005) и др. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры башкирского и общего языкознания Башкирского государственного университета.

Структура работы. Диссертация (объем – 355 стр.) состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы и периодических изданий.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, формулируются основная цель и задачи, определяются основные положения, выносимые на защиту, раскрываются теоретическая значимость и практическая ценность результатов исследования.

В **Главе I «Проблема служебных частей речи в современной лингвистике»** излагаются общетеоретические проблемы, дается анализ лингвистических работ, посвященных изучению служебных частей речи в лингвистике в целом и в тюркских языках в частности, рассматриваются принципы их классификации в современной лингвистике.

Еще М.В.Ломоносов в своих трудах делил слова на главные (знаменательные) и служебные (вспомогательные) (Ломоносов 1952, 408). В работах разных авторов в дальнейшем появляются и другие, несколько иные названия оппозиции частей речи. Так, например, М.Н.Петерсон делит слова на самостоятельные (знаменательные) и несамостоятельные (служебные) (Петерсон 1955), А.М.Пешковский – на полнозначные и неполнозначные (Пешковский 1925) и др. В современной лингвистике наиболее распространены термины «знаменательные» и «служебные» части речи (Русская грамматика 1980).

К середине XX века недостаточная определенность терминов «часть речи», «служебная часть речи» привела к пониманию того, что научно-исследовательская парадигма, сложившаяся в европейской науке, отнюдь не универсальна. Не универсальна в том смысле, что она не в состоянии охватить все многообразие языковых явлений, хотя

позволяет выявить наиболее существенные стороны изучаемого явления. В качестве примера можно указать на выражение вопроса в русском и башкирском языках. Вопрос в русском языке передается с помощью интонации, в то время как в башкирском языке (как и во всех тюркских) он выражается с помощью специального вопросительного аффикса.

Как отмечалось многими лингвистами, вплоть до середины XX столетия предметом описания был не столько сам объект исследования, сколько интуиция исследователя, что приводило к субъективизму. Принцип «внешнего наблюдателя» по отношению к лингвистическим явлениям, в отличие от попыток описания языковой интуиции, впервые был применен лингвистами-структуралистами. Однако в виде имплицитно избранной установки он широко использовался и до структурализма, в первую очередь в естественных науках. В то время как в гуманитарных областях знания субъект включен в процесс исследования и его элиминирование, исключение из процесса познания ведет к существенному обеднению исследуемого объекта. В частности, процесс включения субъекта в структуру исследования как совершенно обязательного и необходимого компонента проецируется и на вопрос о частях речи в языках различных типов. Значительную роль в этом процессе сыграли, с одной стороны, работы таких мыслителей XX века, как М.Хайдеггер, Л.Витгенштейн, Э.Кассирер, М.К.Мамардашвили и др., а с другой – достижения представителей естественных наук, в первую очередь квантовой физики, в которой исследователи впервые столкнулись с феноменом влияния субъекта на результаты проводимого исследования.

Таким образом, к началу XX столетия стало очевидно, что сложившаяся практика подразделения единиц языка на «части речи», деления их на «знаменательные» и «служебные» не имеет во многом единого основания и, строго говоря, не является классификацией в точном смысле этого слова. Так, О.Есперсен в своей «Философии грамматики» отмечал, что принципы, положенные в основу членения единиц языка на части речи, во многом произвольны. Он пишет: «...надо учитывать все: и форму, и функцию, и значение. Однако необходимо подчеркнуть, что форма, будучи самым наглядным критерием, может побудить нас признать в одном языке такие разряды слов, которые в других языках не являются отдельными разрядами, а значение, как оно ни важно, трудно поддается анализу; классификация в этом случае не может быть основана на кратких и легко приложимых определениях. Наибольшее приближение к первому типу (т.е. выраженному с помощью морфологических показателей – Х.С.) мы находим не в каком-либо из существующих языков, а в таких искусствен-

ных языках, как *эсперанто* и еще в большей степени – *идо*, где каждое имя нарицательное оканчивается на *-o* (во множественном числе – на *-i*), каждое прилагательное – на *-a*, каждое (производное) наречие – на *-e*, каждый глагол – на *-r*, *-s* или *-r* в зависимости от наклонения. Обратное положение, когда у разрядов слов нет формальных показателей, находим в китайском языке, где некоторые слова могут употребляться только в определенных функциях, в то время как другие могут функционировать без какого-либо формального изменения то как существительные, то как глаголы, то как наречия и т. д.; причем их значение в каждом конкретном случае определяется синтаксическими правилами и контекстом. Английский язык занимает в этом отношении промежуточное положение, хотя он все больше и больше приближается к системе китайского языка» (Есперсен 2002, 65). Явление, сходное с описанным О.Есперсеном, можно наблюдать и в отношении тюркских языков, которые также занимают промежуточное положение между собственно синтетическими и аналитическими языками.

М.И.Стеблин-Каменский отмечал: «Было сделано немало попыток истолковать традиционное распределение слов по частям речи как некую стройную и последовательную «систему», т.е. как классификацию... Так, по Брендалю, значение предлога – это отношение, имени существительного – сущность, наречия – качество, числительного – количество, глагола – сочетание отношения и качества, местоимения – сочетание сущности и количества, союза – сочетание отношения и количества и т.д. Априорность этой схемы совершенно очевидна» (Стеблин-Каменский 1974, 22).

Одни лингвисты, например О.П.Суник, считали, что «традиционная» классификация вполне достаточна и убедительна и требует лишь корректировки на основе достижений современной лингвистики. В частности, он отмечает, что «еще меньше основания для включения в общий ряд классов знаменательных слов класса слов частичных (или служебных) – предлогов, послелогов, союзов, частиц, артиклей, некоторых аффиксов и т.п.» (Суник 1968, 40).

Другие же, наоборот, исходили из того, как это наиболее отчетливо выражено в позиции М.И.Стеблина-Каменского, что не следует искать системности там, где ее нет и не может быть.

Необходимость критического подхода к определению частей речи вызывается еще и тем обстоятельством, что само понятие частей речи сложилось еще в ту эпоху, когда о лингвистике как науке не могло быть и речи. Как отмечает, например, А.С.Чикобава: «Филологическая грамматика, в представлении греков, не считалась наукой, а рассматривалась как искусство» (Чикобава 1968, 49). Как отмечает А.М.Мухин, «деление частей речи на знаменательные и служебные возникло в

условиях, когда те и другие выделялись в связной речи, когда отсутствовало какое-либо представление об единицах разных уровней языка, и, следовательно, сама проблема уровней языка не могла быть поставлена», и далее он указывает, что «этим, очевидно, объясняется и возникновение самого термина «части речи» (Мухин 1976, 72). Само вычленение частей речи, подразделение их на знаменательные и служебные связано, с одной стороны, с экспликацией интуиции носителей языка, а с другой – с объективным явлением: предметно-вещественным существованием единиц языка.

В русской лингвистической традиции основную роль в становлении и развитии морфологического подхода к единицам языка сыграла Московская лингвистическая школа во главе с ее основоположником Ф.Ф.Фортунатовым, который подразделял все слова языка на изменяемые и неизменяемые. В первой группе слова достаточно четко делятся на основу и флексию (смысловую и формальную части).

Однако данный подход практически неприменим к языкам, грамматическая структура которых не имеет деления на основу и флексию и может использоваться, видимо, не более чем дополнительное средство описания грамматической структуры этих языков. Таковы многие изолирующие языки Восточной и Юго-Восточной Азии: китайский, тибето-бирманские, мяо, вьетмыонгские, мон-кхмерские. В определенной степени это относится и к тюркским языкам, поскольку аффиксы агглютинативных языков суть не то же, что флексия флективных языков. И соотношение основы и флексии здесь иное. Так, анализируя ведущую грамматическую тенденцию флективных и агглютинативных языков, А.А.Реформатский отмечает: «Дело здесь заключается в том, что благодаря тесной связи элементов при образовании производных основ в фузионных языках эти элементы не просто линейно складываются в цепочку, но образуют новое морфологическое качество, единицу, готовую в целом принимать новый формообразующий элемент... При этом прежний формообразующий элемент производящей основы «затухает», теряет свое формообразующее свойство и тесно срастается с первичной основой (корнем)» (Реформатский 1987, 67), в то время как «характер лексемы в агглютинирующих языках совсем не похож на лексему в фузионно-флективных языках, а скорее имеет что-то общее с лексемами языков инкорпорирующих. Общее в этих сходствах – именно отдельность подачи элементов информации в составе словоформы» (Реформатский 1987, 69).

На других основаниях развивал свою концепцию И.И.Мещанинов. Здесь следует отметить, что во главу угла был поставлен принцип эволюционизма, или «стадиальности», в терминах самого И.И.Мещанинова. Однако в его концепции интересно именно то, что он при анали-

зе морфологического строя языков различной типологической структуры исходил из первичности синтаксиса, с одной стороны, и особенностей того, что впоследствии будет названо «языковой картиной мира говорящего», с другой (Мещанинов 1975, 176) .

А.Ф.Лосев сконцентрировал внимание на взаимосвязи языка, его типологической структуры и мышления. Он, в частности, показал, что, в отличие от всех предшествующих типов, номинативный строй языка характеризуется универсальностью (Лосев 1982). В какой-то мере А.Ф.Лосев предвосхитил выводы М.К.Петрова об универсально-понятийном социокоде и типе господствующего в настоящее время способа хранения и наследования социально значимой информации средствами языка (Петров 1990).

Однако и по сей день остается невыясненным вопрос: каким образом генетически разнородные языки (а с ними, соответственно, и культуры, использующие эти языки) подошли к одному и тому же типу социокода, механизму наследования социально значимой информации. И наиболее интересными в этом плане стали данные, полученные на основе исследований изолирующих языков.

Исходя из предложенного еще В. фон Гумбольдтом понимания изоляции как способа грамматической связи слов в предложении, В.М.Солнцев отмечает, что «все языки мира можно разделить на два макротипа – изолирующие и неизолирующие по признаку выраженности или невыраженности в самих словах их отношений к другим словам. В рамках этих макротипов далее можно делить языки соответственно на агглютинативные и флективные.

И хотя в языках может быть больше или меньше морфологии, но совсем без морфологии, видимо, язык обходиться не может» (Солнцев 1995, 10).

В.М.Солнцев, таким образом, дает расширительное толкование морфологии, не ограничивая ее категориями спряжения и склонения. Он отмечает также, что «деление на изолирующие и неизолирующие языки обусловлено не якобы отсутствием морфологии в одних и, наоборот, наличием в других, а характером морфологии, использованием или неиспользованием морфологических показателей в синтаксических целях, т.е. для грамматического связывания слов в предложении» (Солнцев 1995, 10). Данное указание важно тем, что позволяет связать в одно целое морфологию и синтаксис. Так, выделяется три основных способа синтаксической связи слов в предложении: согласование, управление и примыкание. Однако в разных языках, в зависимости от типологического строя того или иного языка, возможны отнюдь не все из них. Особенность морфологического строя хорошо проявляется и на уровне строения предложения. Так, порядок слов в языках синтетиче-

ского типа является относительно свободным. В то же самое время для изолирующих языков строго обязательным правилом является жесткий порядок слов и в словосочетании, и в предложении.

Исходя из подразделения языков на морфологизованные и неморфологизованные, можно утверждать, что в неморфологизованных языках такие языковые явления, как служебные части речи, невозможны по определению, с известными, разумеется, оговорками. И речь должна идти в первую очередь только о тех языках, которые принадлежат к неморфологизованным изначально. В то время как в морфологизованных языках они, наоборот, представляют собой обязательный элемент системы языка.

Агглютинативные языки, и башкирский язык в частности, представляют собой в определенной мере промежуточное явление между языками морфологизованными и неморфологизованными и, соответственно, сочетают в себе черты как того, так и другого типа.

Так, с одной стороны мы видим здесь морфологию агглютинативного типа, хотя само выделение частей речи основано преимущественно на семантико-синтаксических, а не формально-грамматических признаках. Однако это относится прежде всего к знаменательным частям речи, в то время как служебные части речи – в той мере, в какой они сопоставимы со служебными частями речи языков иной типологии – выделяются на основе синтаксических принципов: это предлоги / послелоги, частицы, союзы и др.

С другой стороны, в области синтаксиса мы наблюдаем жесткий порядок слов в предложении, свойственный языкам изолирующего строя.

А.А.Реформатский, анализируя особенности флексии и агглютинации в флективно-синтетических и агглютинативных языках, отметил по этому поводу, что флексия и фузия в флективно-синтетических языках и агглютинация и аналитизм в агглютинативных языках коррелятивны, но не конгруэнтны и что в каждом конкретном случае необходимо уточнять, что именно наблюдает исследователь и не пытаться подвергать наблюдаемые факты под заранее заданную схему (Реформатский 1987).

Такой подход, в частности, продемонстрировали В.М.Солнцев и другие исследователи дальневосточных языков, анализируя особенности морфологического строя китайского языка и вопрос о частях речи в китайском и других изолирующих языках.

Категориальная грамматика на первый план выдвигает существительное и рассматривает все остальные классы слов исходя из их роли в образовании предложения.

В то время как функционально-семантическое направление веду-

шую роль отводит глаголу, объединяя их с прилагательными и наречиями в класс предикатных слов, а существительные же образуют ядро класса непредикатных слов. И.П.Сусов пишет: «Синтаксический критерий в значительной степени применим и к классификации служебных слов. Предлоги сочетаются с существительными, выступая по отношению к ним в препозиции. Послелоги также сочетаются с существительными, употребляясь в постпозиции и нередко становясь постфиксами» (Сусов 2002). Оценивая возможности различных критериев при описании языка, В.М.Алпатов указывает: «Однако чаще при синтаксическом подходе классы выделяются так, чтобы не вступить в противоречие с тем, что А.И.Смирницкий называл «тождеством слова». Недаром такая точка зрения после работы А.А. и Е.Н.Драгуновых получила признание советских лингвистов в исследованиях по изолирующим языкам. *Если морфологические классы нередко несопоставимы, а их количество и состав непредсказуемы, то синтаксические классы в принципе сопоставимы и исчислимы, языки могут описываться в данном отношении единообразно*» (Алпатов 1986, 41) (курсив наш – Х.С.).

Многие лингвисты считают, что при анализе служебных частей речи ведущую роль играет синтаксический критерий, который дает возможность выявить не только их категориальные или функциональные свойства в составе предложения, но и коммуникативные свойства в составе целостного высказывания – текста. Здесь, в частности, можно отметить, что для организации текста как целостной структуры служебные части речи играют очень важную роль. Они структурируют не только фрагменты действительности, описываемые теми или иными знаменательными частями речи, но и обеспечивают связь частей текста между собой.

И здесь необходимо остановиться на вопросе о происхождении частей речи, в том числе служебных частей речи.

Происхождение частей речи вообще и служебных частей речи, в частности, представляет собой сложную и интересную проблему для лингвистики, которая продолжает привлекать внимание языковедов и в настоящее время. Хотя следует признать, что исследования лингвистов в этом направлении ограничивались преимущественно знаменательными классами слов. И поскольку сама лингвистика зародилась в первую очередь как историческая наука, то принцип развития, эволюции всегда играл в ней одну из ведущих ролей. Несмотря на то что в XX столетии преобладал синхронический подход к описанию явлений и свойств языка, контенсивно-типологические и сравнительно-исторические исследования эволюции языка всегда занимали одно из важнейших мест в лингвистических разысканиях.

Так, Г.С.Клычков указывает, что «язык следует описывать как систему процессов, а не единиц. Основным элементом описания становится меризма – дифференциальный признак в фонологии, семантический признак в лексике, грамматический признак – в грамматике» (Клычков 1989, 185). На основе данного подхода можно получить представление, как и когда в языке могли происходить те или иные изменения синтаксического и морфологического строя, закрепившиеся в дальнейшем в виде типологических свойств языка. Так, по мнению Н.А.Баскакова древний строй тюркских языков был близок к изолирующему типу. «Для изолирующего же строя языков характерна... синкретичность корневой морфемы, имеющей близкое по смыслу именное и глагольное значение» (Баскаков 1988, 20). В качестве примера можно привести такие башкирские слова, как *әй* «дом» и *әй-* «собирать в кучу»; *йыр* «песня» и *йыр-* «размывать, разрушать; широко раскрывать рот».

Можно утверждать, что служебные части речи в тюркских языках – явление относительно позднее, и процесс этот с разной степенью интенсивности продолжается и в настоящее время. Этапы их появления и вхождения в грамматический строй тюркских языков, естественно, различны.

Например, послелого характерны именно для грамматического строя, и само их появление в тюркских языках следует относить к периоду перехода тюркских языков от древнего изолирующего состояния к агглютинативному, когда, наряду со становлением именного и глагольного словоизменения (склонения и спряжения), появился и особый класс слов для выражения смысловых и грамматических отношений между компонентами высказывания: пространственных, временных, причинных, целевых и т.п.

Союзы в тюркских языках – явление достаточно позднее, поскольку сам строй тюркских языков не требует их использования в структуре высказывания. Почти все они представляют собой заимствования из персидского и арабского языков. Как показывают наблюдения тюркологов, союзы отсутствуют в древнетюркских текстах и начинают появляться в тех тюркских языках, которые вошли в орбиту арабо-персидской культуры, в частности в связи с принятием ислама. В отличие от послелогов, указывающих на характер отношений между компонентами высказывания в рамках одного предикативного центра, союзы выражают уже не морфологические, а синтаксические отношения между двумя и более предикативными центрами высказывания.

Частицы, а также междометия, модальные слова, функционируют уже на уровне коммуникантов. Их основная задача в составе высказывания – выражение отношения говорящего к содержанию высказыва-

ния, привлечение внимания, отражение констатирующего окружения и контекста высказывания. В целом эта группа служебных слов характеризуется наименьшей степенью грамматикализованности: фактически они никогда не входят в состав элементарной синтаксической конструкции и реализуются только на уровне целостного высказывания. В данной группе наибольший интерес представляют частицы, что связано с их ролью в процессе коммуникации. Т.М.Николаева в монографии, специально посвященной функциональной характеристике частиц в славянских языках, указывает, что «со словом «частица» связываются несколько смысловых комплексов. Это, с одной стороны, представляет известную трудность для их вычленения и классификации в рамках традиционных подходов к анализу языковых единиц, а с другой – показатель принципиальной неоднозначности, синкретичности этого класса слов в том или ином языке. Однако вопрос происхождения и классификации частиц в настоящее время еще далек от своего более или менее адекватного решения, поскольку конверсия как способ словообразования изучался в основном применительно к знаменательным частям речи: переходу имен прилагательных в разряд имен существительных, существительных в наречия и т.д. Если же говорить о конверсии знаменательных частей речи в разряд служебных, то требуются дополнительные историко-лингвистические разыскания. В то время как проблема становления, развития, функционирования и, особенно, происхождения служебных частей речи не может ограничиваться только лишь описанием на синхронном уровне. Кроме того, мы имеем дело с переходом изменяемой части речи в неизменяемую часть речи. И мы имеем дело с таким синхроническим явлением, когда слово в одной и той же форме (неизменяемые слова) совмещает несколько функций (грамматический синкретизм). Этот тип конверсии наиболее распространен и наименее ясен (Кривоносов 2005, 12).

Р.З.Мурясов и А.Т.Кривоносов рассматривают конверсию применительно к языкам с развитой морфологией. При этом А.Т.Кривоносов отмечает, что «теория конверсии частей речи не получила в современном языкознании убедительного решения. Существующие теории конверсии частей речи так и не ответили на вопрос: что же в слове есть такого, что позволяет ему быть сразу несколькими частями речи?» (Кривоносов 2005, 25) Эта точка зрения была выражена в работах Л.С.Бархударова, Б.А.Серебренникова и др. (Бархударов 1965; Серебренников 1988; Смирницкий 1953 и др). Б.А.Серебренников, в частности, отстаивая «секторную» структуру слова, указывает, что «мнение о том, что слово в языках со слабо развитой морфологической системой потенциально способно выступать в виде любой части речи, совершенно ошибочно» (Кривоносов 2005, 17). Недостаточность аргументов

«за» и «против» конверсии, на наш взгляд, заключается в исходной исследовательской парадигме, принимаемой тем или иным лингвистом в качестве теоретико-методологической базы. Так, А.Т.Кривоносов считает, что есть семантическая и грамматическая корреляция между явлениями конверсии (переходом одной части речи в другую) и парадигматическими отношениями между формами одного и того же слова. По его мнению, «нет принципиальных различий между морфологическими парадигмами и синтаксическим употреблением слов в различной дистрибуции, ибо и в первом, и во втором случае мы имеем дело с дистрибуцией, только в первом случае – с морфологической, а во втором случае – с синтаксической» (Кривоносов 2005, 29).

При этом одни лингвисты считают, что полисемия и омонимия в конечном счете совпадают, в то время как другие полностью отрицают даже самую возможность их совпадения. К первой группе, несмотря на все различия в их подходах к решению вопроса о конверсии, полисемии и омонимии, относятся В.В.Виноградов, И.Е.Аничков, В.Н.Ярцева, В.А.Звегинцев, В.А.Жирмунский, И.И.Ревзин, Р.А.Будагов, а к другой – А.И.Смирницкий, В.И.Абаев и др. В качестве предварительного вывода можно, на наш взгляд, говорить о том, что конверсия как способ образования служебных частей речи должна рассматриваться в более широком контексте.

В настоящее время в лингвистике принято следующее понимание частей речи: «это грамматические классы слов, характеризующиеся совокупностью следующих признаков: 1) наличием обобщенного значения, абстрагированного от лексических и морфологических значений всех слов данного класса; 2) комплексом определенных морфологических категорий; 3) общей системой (тождественной организацией) парадигм и 4) общностью основных синтаксических функций» (Русская грамматика 1980, 457).

При этом мнения и подходы лингвистов к классификации знаменательных частей речи в большинстве случаев едины, в то время как классификация служебных частей речи все еще продолжает вызывать споры.

Глава II «Проблема служебных частей речи в тюркологии и в башкирском языкознании» посвящена теоретическим проблемам тюркологии и башкирского языкознания, связанным с классификацией служебных частей речи и основаниями выделения их лексико-грамматических разрядов.

К проблеме служебных слов обращались в своих исследованиях многие ученые, пытались определить их отличительные признаки, отношение к знаменательным частям речи и разных разрядов служебных слов между собой. Несмотря на наличие многочисленных работ, про-

блема служебных частей речи остается одной из актуальных и даже спорных в современном языкознании. В русской лингвистической науке огромный вклад в развитие теории частей речи внес академик В.В.Виноградов. Развивая идеи А.А.Шахматова и Л.В.Щербы, он создал свою оригинальную концепцию частей речи, в наиболее полной мере отразившуюся в его трудах по грамматике. В данной работе представлены следующие четыре основные структурно-семантические категории слов в современном русском языке:

- 1) слова-названия, или части речи,
- 2) связочные слова, или частицы речи,
- 3) модальные слова и частицы,
- 4) междометия.

Словам первого типа, по определению В.В.Виноградова, присуща номинативная функция, сюда он включает все те знаменательные части речи, которые в большинстве грамматик современных языков и по сей день рассматриваются как таковые. Следует, однако, заметить, что термин «частица» академик В.В.Виноградов употребляет в двух значениях – общем и частном (Виноградов 1972, 520). Вместо термина «служебные слова» он пользуется термином «частицы речи» и относит к ним собственно частицы, предлоги и союзы.

Деление слов на четыре указанных выше структурно-семантических типа легло в основу принципов деления частей речи и в других языках, в частности в тюркских.

Интересные положения о частях речи и их классификации содержатся в работах М.З.Закиева, который отмечает, что «в существующих классификациях морфологических единиц часто не учитывается самое главное – то, что эти единицы существуют для образования речи» (Закиев 1973, 6). Он предлагает делить морфологические единицы на три группы:

- 1) единицы, выражающие определенные понятия, т.е. знаменательные слова;
- 2) средства для выражения модальности, т.е. модальные слова, междометия, частицы;
- 3) средства, осуществляющие связь между словами: послелоги и союзы.

В «Татарской грамматике» М.З.Закиев относительно состава служебных слов пишет, что «служебные слова делятся на словосоединительные и модальные. К словосоединительным относятся союзы и союзные слова, послелоги и послеложные слова» (Татарская грамматика 1993). Частицы же он включил в разряд модальных служебных слов.

В последние годы в исследованиях тюркологов все отчетливее проявляется тенденция отнесения к служебным частям речи послело-

гов, союзов и частиц (Зейналов 1966; Щербак 1987; Татарская грамматика 1993). Это связано с тем, что служебные слова членами предложения не являются, к тому же они могут функционировать в составе предложения только в качестве структурного элемента. Эта особенность служебных слов была отмечена в исследованиях М.Н.Петерсона. По этому поводу он пишет, что различие между самостоятельными и несамостоятельными словами заключается прежде всего в том, что последние употребляются «только в сочетании с самостоятельными и не могут употребляться отдельно от них как слова-предложения» (Петерсон 1955, 178). Из этого следует, что классификация служебных частей речи может быть проведена только на основании сочетания семантических и синтаксических принципов (Современный русский язык 1989, 524).

По своей семантике и синтаксическим характеристикам служебные слова чрезвычайно разнообразны и в силу этого принимают участие в формировании разных аспектов предложения. Одни служебные слова как бы «отвечают» только за синтаксис. К ним относятся так называемые «связочные» слова, а именно послелог и союзы, первые из которых выражают грамматические функции сплочения знаменательных слов в единое предложение и передачи межфразовой связи. Однако не следует полагать, что, обладая только служебными функциями, эти словоформы не имеют какого-либо содержания. Они не просто связывают члены предложения или целые предложения, но и тем самым обозначают характер отношений между ними. Послелоги, в отличие от союзов, выражают (вместе с падежными формами существительных) отношения между неоднородными членами в предложении или между частями сложного предложения. В то время как частицы выражают, как и вводные конструкции, отношение говорящего к содержанию высказывания.

Итак, как показывает анализ существующих классификаций частей речи в русской грамматике, а также в исследованиях по тюркским языкам, существуют различные мнения о составе частей речи в целом и служебных частей речи, в частности, и используются различные подходы к их выделению: лексико-семантический, морфологический и синтаксический. Тем не менее, в отдельных языках при классификации преобладает один из принципов. Так, например, в тюркском языкознании, в том числе и в башкирском, преимущество отдавалось семантическому принципу, а остальным отводилась роль второстепенных.

Между тем части речи в тюркских языках содержат одновременно лексико-семантические и грамматические значения, а потому и должны рассматриваться как лексико-грамматические категории.

Как пишет А.Н.Тихонов, в том, что «части речи – это прежде все-

го явления морфологические, как будто, нет сомнений, и рассмотрение их в морфологии стало традицией. Однако при описании их морфологических свойств обнаруживается, что они связаны не только с морфологией» (Тихонов 1968, 219). Он придерживается точки зрения, представленной в трудах Л.В.Щербы, Л.А.Булаховского, В.В.Виноградова, В.М.Жирмунского, А.И.Смирницкого, Р.А.Будагова, А.В.Исаченко и др., которая является общепризнанной в отечественном языкознании. При рассмотрении слов неизменяемых, парадигматические свойства которых не имеют формального выражения, а грамматические свойства реализуются лишь в их синтаксических связях, по существу лишь в виде соположения слов в рамках целостного высказывания, в силу вступает другой критерий – синтаксический. Следовательно, синтаксический критерий дополняет лексико-семантический и морфологический принципы, а в некоторых случаях играет решающую роль в распределении слов по частям речи.

Лексико-семантический, морфологический и синтаксический подходы позволяют выделить в системе служебных частей речи башкирского языка послелого, союзы и частицы.

Впервые послелого стали объектом изучения в исследованиях А.Троянского, А.Казем-Бека, М.Иванова, в которых заложены основы современных взглядов на проблему послелогов в тюркологии. Дальнейшее развитие она получила в основных работах современных исследователей-тюркологов В.А.Гордлевского, Н.К.Дмитриева, А.Н.Кононова, Н.А.Баскакова, Ф.Р.Зейналова, Г.Алпарова, В.Н.Хангильдина, М.З.Закиева, а также А.А.Юлдашева, Б.С.Саяргалиева, Г.Г.Саитбатталова, М.В.Зайнуллина, Н.Х.Максютовой, Н.Х.Ишбулатова, З.Б.Мулюковой и других.

В лингвистике существуют различные определения понятия «послелог». Наиболее убедительной нам представляется точка зрения Ф.Р.Зейналова: «Послелого – вспомогательная категория, служащая для выражения различных синтаксических отношений имен либо имени с глаголом. Единицы, входящие в эту группу, способствуют дополнению, обогащению содержания основных частей речи в том или другом отношении» (Зейналов 1966, 29).

Послелого служат для различных синтаксических связей в предложении и требуют разного оформления слов, отношения которых выражаются с их помощью. Они классифицируются обычно по одному из следующих признаков:

- 1) по синтаксическому, то есть по падежам, с которыми употребляются послелого (Н.К.Дмитриев, М.И.Исаев и др.);
- 2) по грамматическим отношениям, выражаемым послелогоми (Н.А.Баскаков, Ю.А.Смирнов и др.);

- 3) по происхождению (Дж. Мураталиева, А.Н. Кононов, Е.И. Убрятова). Так, Дж. Мураталиева выделяет: а) именные; б) глагольные; в) послелогии, этимология которых нуждается в выяснении (Мураталиева 1958).

Большинство исследователей ставят знак равенства между предлогами и послелогами, указывая лишь на то, что предлог находится в препозиции по отношению к имени, а послелог – в постпозиции. И.И. Мещанинов, отмечая равнозначные функции предлога и послелога, указал лишь на одно различие между ними: «По своей основной синтаксической функции предлог в точности соответствует послелогу. И тот, и другой служат показателем синтаксических отношений. Основное различие между предлогами и послелогами заключается в том, что последние проявляют большую тенденцию к формальному объединению с именем, чем первые» (Мещанинов 1978, 359-360).

З.Б. Мулюкова подчеркивает следующие различия между послелогом и предлогом:

- 1) по употреблению, по количеству выражаемых грамматических отношений категория предлогов шире категории послелогов;
- 2) предлоги употребляются со всеми падежами, кроме именительного, а послелоги сочетаются с формой имени и в основном падеже;
- 3) башкирские послелоги по своему значению конкретнее, к примеру русских или немецких предлогов, то есть они менее грамматикализованы (Мулюкова 1985, 6).

В древнетюркских памятниках, особенно рунических, как отмечают исследователи, очень мало слов, выступающих в функции союзов, а имеющиеся употребляются преимущественно как сочинительные союзы. В.М. Насилов в свое время отмечал: «В грамматическом строе орхон-енисейских памятников союзы не являются сложившейся категорией. Единственными лексическими средствами, приближающимися к категории союзов, служат частицы *ta* «и», «да», «е» и *jete* «и», «также», «еще» (Насилов 1960, 44). На это указывали и другие исследователи древнетюркских памятников.

В связи с тем, что союзы в тюркских языках возникли в сравнительно более поздний период, они, естественно, формировались на базе уже существовавших частей речи (Мусаев 1980, 4).

Союзы – средства связи, выражающие различные смысловые отношения, однако они не являются равноценными не только по выражению синтаксической связи, но и по значению, стилистическим характеристикам и синтаксическим потенциям.

Таким образом, союзы, как и послелоги, выражают отношение. Но в отличие от послелогов, которые служат формальным средством со-

единения имен (местоимений) с другими словами в словосочетании или предложении, союзы соединяют не слова, а синтаксические единицы – члены предложения или части сложного предложения.

Союзы обычно классифицируются по различным параметрам: 1) по синтаксическим функциям; 2) по происхождению; 3) по структуре. По синтаксическим функциям союзы принято делить на сочинительные и подчинительные.

По своей структуре союзы в тюркских языках делятся на простые (*йә, йәнг, ләкин, сөнки, тағы, фәкәт, һәм* и др.) и сложные (составные) (*әгәр ки, әгәр ҙә, әгәр ҙә мәгәр, иллә мәгәр, шуға күрә*). Наиболее древними из них являются простые союзы, которые могут состоять из одной, морфологически нечленимой, корневой морфемы или кроме корневой морфемы содержат суффиксальные элементы разного происхождения или назначения. Как отмечает К.М.Мусаев, в современных языках широкое развитие получили сложные союзы, имеются и «гибридные союзы – со значением других, очень разнообразных категорий» (Виноградов 1972, 554): наречий, местоимений, деепричастий, а также наиболее часто встречающихся – частиц (Мусаев 1980, 5). Этот тип союзов получает все большее распространение в современных тюркских языках, они имеют место и в башкирском языке. Количественному росту союзов в тюркских языках способствует прежде всего усложнение их синтаксического строя.

По происхождению союзы разделяются на два основных разряда: 1) союзы, формировавшиеся на базе слов разных категорий собственного языка; 2) союзы, восходящие к «готовым» союзам других языков, т.е. заимствованные союзы.

В определенной части тюркологической литературы, как отмечает С.А.Соколов, довольно четко прослеживается тезис, согласно которому союзы и союзные конструкции в тюркских языках – явление чужеродное, привнесенное из языков других систем. Распространению этого тезиса, пишет он, способствовал тот факт, что большинство союзов, в частности в турецком языке, представляли собой слова персидского и арабского происхождения (Соколов 1977, 24). Заметим, что и в башкирском языке заимствованные союзы главным образом являются словами арабского и персидского языков, например: *ләкин, хатта, әммә, бәлки, йәки, сөнки, һәм, әгәр* и другие. Вместе с тем существует и другая точка зрения, согласно которой в тюркских языках наряду с заимствованными союзами существовал и собственный союзный потенциал, опирающийся, в частности, на частицы. Так, например, Н.З.Гаджиева утверждает, что существование в тюркских языках сложных предложений союзного типа нельзя объяснить одним лишь

влиянием иносистемных языков: «Уже в недрах структуры тюркских языков были заложены условия для развития союзного сложного предложения» (Гаджиева 1973, 30). Она выделяет два непосредственных источника развития союзных сложных предложений в тюркских языках: а) на собственной почве тюркских языков под влиянием усиительно-выделительных частиц; б) путем использования иноязычных союзов в конструкции союзного сложного предложения (Гаджиева 1973, 31, 36).

Во всех тюркских языках, в том числе и в башкирском, имеются служебные слова, которые придают различные субъективные, эмоционально-экспрессивные и модальные оттенки целому предложению или отдельным его частям. В грамматической науке их принято называть частицами.

Учение о частицах было развито в трудах В.В.Виноградова. К частицам в широком смысле этого слова, или к «частицам речи», он наряду с частицами относит также союзы и предлоги, которые противопоставляются знаменательным частям речи. Таким образом, В.В.Виноградов все классы так называемых «служебных», «формальных» или «частичных» слов объединяет под общим названием «частицы речи». Частицы в узком смысле этого слова он характеризует как «классы таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений (Виноградов 1972, 520).

В тюркологии частицы были и остаются предметом пристального внимания ученых-лингвистов. В первых работах в области тюркологии нет специальных разделов о частицах, эти слова рассматриваются в составе других частей речи с оговоркой о том, что они усиливают, подчеркивают какое-то значение. А.К.Боровков, который, исходя из специфики тюркских языков, по-новому разрабатывает проблему категории частицы, пишет, что «...они утвердились в новой функции и тем самым образуют особую категорию слов...» (Боровков 1935, 46). В исследованиях, появившихся в этот период, частицы в основном рассматриваются как самостоятельное грамматическое явление, и в большинстве тюркских языков их выделяют как отдельную часть речи (Кайдаров 1961; Дмитриев 1948). В результате появляются специальные исследования, посвященные данной категории, что свидетельствует об определенном сдвиге в данный период в изучении частиц тюркских языков (Тошакова 1961; Саяргалиев 1960; Кайдаров 1959; Кенжебаева 1962; Базаров 1976; и др.). Так, в диссертации Ф.Кенжебаевой,

объектом которой являются послелого и частицы, описанию частиц отводится значительное место. Автор объясняет это тем, что в казахском языке частицы, так же как и послелого, изучены недостаточно полно, отсутствуют специальные исследования, посвященные разбору значения и функций, а также морфологической структуры данной категории (Кенжебаева 1964, 3).

Одной из значительных и интересных работ в области исследования служебных частей речи в тюркских языках, несомненно, является докторская диссертация Ф.Р.Зейналова (Зейналов 1966). В ней сформулированы основные принципы деления частей речи на знаменательные и служебные, уточнено место последних в грамматическом строе тюркских языков (на материале огузских языков), определена их специфика, исследованы важнейшие особенности. Ф.Р.Зейналов, разрабатывая научную основу классификации служебных частей речи в тюркских языках, выделяет союзы, послелого и частицы. Он пишет: «Частицы отличаются от послелогов и союзов по синтаксическим функциям. Так, если последние служат для создания связей между именами и глаголами, словами, словосочетаниями или предложениями или для выражения их отношений, то первые лишены этой особенности и служат для подчеркивания смысла слов и предложений». Таким образом, Ф.Р.Зейналов совершенно справедливо указывает на роль частиц в тюркских языках в передаче различных оттенков значений.

В работе автор затрагивает и классификацию частиц, отмечая, что в классификации по значению в тюркологии наблюдаются расхождения. По фонетическому составу и лексико-грамматическому содержанию Ф.Р.Зейналов делит частицы на собственно частицы и модальные (Зейналов 1966, 54). Первые, по его мнению, являются более древними и примыкают к аффиксам. Главное отличие собственно частиц от модальных он видит в том, что первые полностью лишены лексического значения. Автор дает перечень таких частиц, наиболее употребительных в современных тюркских языках, в него включены и следующие башкирские частицы: *-мы, -ме, -мо, -мә, да, дә, та, тә, ла, лә, ҙа, ҙә, -сы, -се, -со, -сә, кына, кенә, ғына, генә, ук, үк*.

К модальным частицам им причисляются такие, как *һич, һәтта, амма, бир//бирчә, бәс* и т.д. (азерб.); *хәтта, мана, ахырын//ахыры* и т.д. (туркмен.) и др. Таким образом, Ф.Р.Зейналов внес ясность в спорный вопрос о лексичности и нелексичности частиц, утверждая, что «как и в собственно послелогах, в собственно частицах нет значения от первоосновы. Но как и в послелогах двоякого характера, в модальных частицах налицо следы первоначального значения» (Зейналов 1966, 52). Ученый считает неверным то, что некоторые лингвисты

склонны рассматривать модальные частицы как самостоятельную часть речи и в качестве главного аргумента приводит довод о том, что «модальные частицы не выступают в качестве номинативного члена предложения: они не полнозначны» (Зейналов 1966, 55).

В дальнейшем в тюркологии появились и специальные диссертационные исследования, посвященные частицам. Среди них следует отметить работу К.Амиралиева «Семантико-грамматические функции частиц тюркских языков (на материале каракалпакского, узбекского и казахского языков)». В ней подвергаются анализу семантическая структура частиц, выявляются их грамматические функции, синтаксическая роль. Значимость данной работы заключается в том, что частицы в ней исследуются в широком аспекте, а именно в грамматическом, функциональном и семантическом плане. Изучение языковых явлений в таком аспекте в настоящее время весьма актуально, ведь, как утверждает и сам автор, «сравнение двух или более родственных языков представляет возможности для выявления специфических семантико-грамматических особенностей каждого языка в сравнении с другими» (Амиралиев 1980, 29).

В грамматических исследованиях по урало-алтайским, а также по отдельным тюркским языкам в определении лингвистического статуса частиц больших разногласий не наблюдается. В «Татарской грамматике» частицы определяются, как «служебные слова, придающие отдельным словам, членам предложения или предложению в целом различные смысловые, эмоциональные и модально-экспрессивные оттенки» (Татарская грамматика 1993, 352).

В современном башкирском языке частицы по сравнению с послелогами и союзами представляют не самый многочисленный, но очень разнородный класс в составе служебных слов.

Частицы, как отдельная часть речи, впервые в башкирском языкознании были выделены К.З.Ахмеровым (Әхмәр, 1941). Позднее он дал глубокий анализ частиц в работе «Синтаксис простого предложения в башкирском языке» в разделе «Средства выражения эмоциональности в предложении» (Әхмәр 1958).

Вопросы семантики и функционирования частиц в башкирской языковедческой науке освещены в работах Н.К.Дмитриева, Дж.Г.Киекбаева, Б.С.Саяргалиева, К.З.Ахмерова, Н.Х.Ишбулатова, М.В.Зайнуллина, в которых представлены оригинальные и интересные суждения об этой категории слов.

Подробную классификацию частиц в современном башкирском языке дал в своих работах Х.Г.Юсупов (Йосопов 1997, 35-38).

Семантические и функциональные особенности частиц нашли отражение и в исследованиях М.В.Зайнуллина (Зайнуллин 1986, 2002).

В Главе III «Функционально-семантические особенности послелогов в современном башкирском языке» описываются послелогии. Дается краткая история их происхождения, анализируются морфолого-синтаксические функции и значения, которые они принимают в том или ином контексте.

Исследование семантики и функции послелогов позволяет сделать вывод, что в башкирском языке они могут выражать различные отношения, например, пространственные: *тиклем, саклы, хәтле, буйлап, буйынса, аркылы и др.*; причинные: *аркаһында, күрә, айканлы, сәбәпле, һөҙөмтәһендә, була и др.*; темпоральные: *бирле, тиклем, саклы, һуң, элек, элгәре, алып, башлап*; целевые: *өсөн, тип, була*; сравнительно-уподобительные: *кеүек, төслө, шикелле, һымак, ише*; на-правления: *табан, таба, карата, карап*; инструментальные: *менән*; усилительные (повторяемости): *һайын*; объектные, т.е. указывающие на предмет мысли, речи, чувства: *тураһында, турала, хаҡында, хакта*; субъектные: *тарафынан*; обстоятельственные: *көйө, көйөнә, көйөнсә, килеш*; ограничительные отношения с дополнительным оттенком исключения: *башка, тыш, ғәйре* (устар.); замещения: *урынына*; противопоставления: *карамаҫтан*; средства: *аша*; меры: *кәҙәр, кәҙәре, хәтле* и другие.

Обозначая синтаксические отношения между именами или между именем и глаголом, собственно послелогии функционально близки к союзам. Этим и вызвано широкое использование послелогов в роли союзов. Так, например, послелогии *өсөн, кеүек, шикелле, һымак, һайын, бирле, хәтлем, менән, күрә* широко используются в функции подчинительного союза в составе придаточной части сложноподчиненных предложений. Большинство послелогов выступает преимущественно при имени и отчасти при разных формах глагола. Так, послелог *менән* в сочетании с существительным выражает инструментальное или совместное значение: *балта менән* «топором», *ағай менән* «с братом», а при имени действия – ограничительно-временное значение: *күреү менән* «как только увидел». Итак, в башкирском языке послелогии в основном многозначны, и эта многозначность, как правило, устраняется благодаря контексту. В контексте же послелог взаимодействует со значимыми единицами лексического и словоизменительного уровней. Таким образом, в выражении указанных отношений между самостоятельными словами участвуют не только послелогии, но и падежные формы, поэтому функции послелогов рассматриваются нами в соотношении с теми или иными падежами.

Данная глава состоит из трех параграфов. **Первый параграф**

представляет собой подробное описание послелогов, употребляющихся со словами в основном падеже.

Послелог *менән* «с, вместе с, совместно с».

В современном башкирском языке послелог *менән* относится к разряду многозначных и полифункциональных. Данный послелог служит для выражения различных отношений: временных, пространственных, целевых, причинных, инструментальных, количественных и других. Характер этих отношений предопределяется общим значением сочетания, в составе которого послелог находится.

1. Значение совместности, соучастия, сопроводительности (функция косвенного дополнения). По своему значению послелог *менән* указывает прежде всего на сопровождение или совместное нахождение двух предметов, лиц, например: *ағайы менән* «со своим братом», *Фәрит менән* «с Фаритом» и т.д. Айбулат *Асатай менән* йылкы көтә (Һ.Дәүләтшина) «Айбулат с Асатаем пасет лошадей».

Если же необходимо совершенно отчетливо выразить сопроводительное значение послелога *менән*, то после него ставятся пояснительные слова *бергә* или *берлектә* «вместе, сообща»: *ғаилә менән бергә* «вместе с семьей», *хезмәткәрҙәр менән берлектә* «вместе с сотрудниками». Мастер *эшселәр менән бергә* буровойға табан йүгерҙе (А.Карнай) «Мастер вместе с рабочими побежал в сторону буровой».

2. Орудие, средство, инструмент совершения действия (функция дополнения): Атты *сыбырткы менән* кыумайзар, *һоло менән* кыуалар (Поговорка) «Лошадь погоняют не кнутом, а овсом».
3. Пространственное значение. Послелог *менән* в сочетании с именами соответствующего значения обозначает, что действие происходит по всей поверхности предмета, на всем его протяжении: Ике көн *диңгез менән* барҙылар (А.Тәһиров) «Два дня плыли по морю».
4. Материал: Өй эсе караңғы. Кескәй генә тәҙрәләр. Уның да ярытыһы *карындык менән* капланған (З.Бишшева) «В доме темно. Окна маленькие, и те наполовину затянуты пузырярем».
5. Временное значение: Бер көндө *таң менән* үк торҙом да, оло юл менән сыжтым да киттем (С.Агиш) «Однажды встал с зарей и отправился по большаку».
6. Характер совершения действия: Йәнеш горур *тәҫ менән* дуһының артынан эйәрҙе (З.Бишшева) «Янеш с гордым видом последовала за подругой».

7. Причину совершаемого действия. В этом значении послелог *менән* выступает синонимом послелога *аркаһында*: Уның һүзенә караганда, бөтәһе лә әзер булған, тик бына заказчиктың *ғәйбе менән* генә эш эшләнмәй калған (Р.Солтангәрәев) «По его словам выходило, что все было готово, но по вине заказчика дело сорвалось».
8. Цель совершаемого действия: Сәрбиямалдың һаранлығын белгәнлектән, уға *йомош менән* килгән кеше юк (З.Биишева) «Зная скупость Сарбиямал, никто не обращается к ней с просьбой».
9. Послелог *менән* может выражать сравнение одного предмета или лица с другим: Шағир күңеле *барометр менән* бер инде ул (Б.Рафиков) «Душа поэта, как барометр».
10. Основание для совершения действия: Колхозсылардың *тәкдиге менән* Вахитов председатель итеп һайланды (Ғ.Ибраһимов) «По предложению колхозников Вахитов был избран председателем».
11. Род занятий, средство, способ существования: Бер Йөзшишмә ауылы, йәғни Нуриханов исемендәге колхоз, һәм тағы ла, һанаһаң, һыңар кул бармактары ла етерлек кенә хужалыктар *игенселек менән* донъя күрә (Д.Бүләков) «Один лишь колхоз имени Нуриханова да еще несколько хозяйств занимаются выращиванием зерна».
12. Количественное значение (объем, величина, мера, возраст лица): *Сама менән* олоһона кырк йәштәрҙе бирергә мөмкин булһа, йәшерәгенә утызһан артык булмаһса тейеш ине (С.Ағиш) «Если старшему можно было дать примерно лет сорок, то младшему должно быть не больше тридцати».
13. Логический субъект действия: Яландай зур цех *халык менән* тулы, кешеләр уртаға бакһан (Р.Солтангәрәев) «Огромный цех полон народа, все устремились на середину».
14. Значение собирательности: *Токомо менән* кызыу холокло кеше булғанғамы, ни сыһна, шуларҙан сыға инде (Ғ.Ибраһимов) «У них в роду все горячего нрава, наверное, поэтому, что ни случится, то все исходит от них».
15. Указывает на наличие чего-нибудь в чем-нибудь, обладание чем-нибудь: Шакмандар *байлыктары*, кыпсактар иһә үззәренәң *батырлыктары*, аңлырак булуыҙары менән күкрәк какһандар (Б.Бикбай) «Если Шакманы гордились своим богатством, то кыпчаки – богатырской удалью, сметливостью».

Послелог *менән* в башкирском языке полифункционален. В частности, он может выполнять функцию соединительного союза: Акйондоз *менән* Мәрәһим урталағы баузың ике яғына килеп бақты (М.Кәрим) «Акйундуз и Марагим встали на оба конца надела».

Послелог *өсөн* «для, ради, за, из-за» – общетюркский послелог древнего происхождения, в современных тюркских языках встречается в следующих фонетических вариантах: в киргизском, хакасском, туркменском – *үчүн*, казахском – *үшин*, к. -калпакском, ногойском – *ушын*, гагаузском – *ичин*, татарском – *өчен* и др.

Послелог *өсөн* в современном башкирском языке выражает:

1. Цель действия. В сочетании с существительными послелог *өсөн* прежде всего выражает значение цели. Примеры: Быны ул (Рая), бэлки, *кызык өсөн* генә әйткәндер... (Р.Солтангәрәев) «Может быть, Рая сказала это лишь для забавы...»
2. Причину действия: Сөнәгәт Тимофей Зайцевты *йорлово*, тура *һүҙлеге өсөн* яратты (Ж.Кейекбаев) «Сунагат полюбил Тимофея Зайцева за его остроумие, прямоту, смелость».
3. Предназначение: Тыуһа, *эш өсөн* тыуа ла куя кайһы бер кеше (Б.Бикбай) «Некоторые так прямо и рождены для работы».
4. Время, определенный срок. В данном значении послелог *өсөн* сочетается с именем существительным при наличии количественного определения: Абдулла *бер-ике көн өсөн* генә кире Проня янына кайтыузың кәрәклеген күрмәне (М.Буракаева) «Абдулла не видел смысла возвращаться к Проне из-за каких-то двух-трех дней».
5. Замещение: Ғәйзулла ғына *Шамиль өсөн* яуаплылыктан куркманы (Я.Хамматов) «Только Гайзулла не побоялся брать ответственность за Шамиля».
6. Выделяет лицо или предмет, по отношению к которому действие совершается, для которого что-либо предпринимается: Хәзәр сөгәлдәр *үстөрөүселәр өсөн* Банат Батырова исемендәге приз булдырылды («Башкортостан кызы») «Сейчас для свекловодов учрежден приз имени Банат Батыровой».

Послелог *кеүек*, *һымак*, *шикелле*, *ише*, *кәзәр*, *тәслә* «как, словно, подобно».

В ходе исследования семантических и функциональных особенностей этих послелогов нами выявлено, что они несут большую семантическую нагрузку и выражают:

1. Сравнение, сопоставление по качеству и количеству, уподобление. Оксана буйға Фәһимәнән дә зур, *минек саклы* (М.Кәрим)

«Оксана ростом повыше даже Фагимы, как я».

2. Предположение, сомнение, неуверенность: Мәмерйә ауызында атыш туктаны ла төслә кеүек ине, юк, туктаманы, шикелле (Ә.Хәкимов) «Показалось, что стрельба перед ущельем прекратилась, нет, кажется, не прекратилась».
3. Видовую принадлежность предметов: Балта, көрәк кеүек нәмәнән башкаһын береһен дә базарҙан һатып алмаған ул (Д.Юлтый) «Ни топора, ни лопаты, ничего такого он на базаре не покупал».
4. Выполняют союзную функцию. При этом они употребляются в составе сказуемого придаточного предложения сравнения и служат для связи придаточного предложения с главным. В качестве сказуемого придаточного предложения чаще всего выступает причастие на -ған/-гән: Һәр нәмәнән рәте булған шикелле, кар көрәүҙең дә рәте бар (М.Ғафури) «Как и во всякой работе, в уборке снега тоже есть свои правила».

Послелогои *тураһында, турала, хаҡында, хакта* «о, про».

Основной падеж с послелогоми *тураһында, турала, хаҡында, хакта* выражает предмет мысли и речи, выполняя функцию дополнения: Уйҙары *сержант Зух тураһында* ине (М.Кәрим) «Его мысли были о сержанте Зухе».

Послелогои *буйынса, буйы, буйына, буйлап* «у, вдоль, по, в течение».

Основной падеж с *буйынса, буйы, буйына, буйлап* обозначает:

1. Пространственные отношения (функция обстоятельства места): Ике туған асфальтланған *һукмактар буйлап* һүҙһеҙ байтак йөрөнөләр (Б.Рафиков) «Братья долго ходили по асфальтированным тропинкам».
2. Временные отношения (функция обстоятельства времени). В этом значении употребляются послелогои *буйы, буйына, буйынса*: Карам күп уйлана, көн озоно эшләп арыуга карамастан, *төндәр буйына* йоклай алмай борғоланып сыға (Н.Мусин) «Карам много думал, несмотря на усталость, всю ночь ворочался без сна».
3. Эти послелогои также употребляются при обозначении:
 - а) предмета, среды, пространства, области, в пределах которых происходит, совершается действие, что-то делается (функция обстоятельства времени): Йәйен бөтә *ил буйынса* картуф уңмағайны (Н.Мусин) «Летом по всей стране не уродилась картошка»;

- б) предмета, явления, учения, мнения, на основании которых производится действие (функция обстоятельства образа действия):
Шул *гарызнама буйынса* бөтә ил яуга сыккан (Устное народное творчество) «По этому воззванию весь мир вышел на битву»;
- в) при обозначении сферы, области какой-нибудь деятельности:
Вазифам буйынса мин халык дружинаһы командиры булып иҫәпләнем (Б.Рафиков) «По своей должности я считаюсь командиром народной дружины».
4. В сочетании с именами существительными выражают также атрибутивные отношения и выполняют функцию определения:
Һуңғы йылдарҙа *район буйынса* олимпиадалар уҙғарыу модаға инеп китте («Йәшлек») «В последние годы стало модным проведение районных олимпиад».

Послелог *һайын* «каждый раз, еже-» выражает временные отношения, указывая на повторяемость, регулярность действия: Айзан-ай, йылдан-йыл, *көн һайын* булмаһа ла, *азна һайын* Мәрәһимдең һағышлы көйҙәре бөтә ауылды моңландырып яңғыраһын да тапыл өзөлөп калһын, имеш... (М.Кәрим) «Месяц за месяцем, год за годом, пусть и не каждый день, но каждую неделю всю деревню радовало душевное пение Марахима, и вдруг все это прекратилось...»

Конструкции с послелогом *һайын* выражают также распространение действия по отдельным предметам, объектам: Кайза ғына барма, шул уҡ хәл: *ырыу һайын* баҫкак, *ил һайын* яһак (К.Мәргән) «Куда ни глянь, везде одно и то же: везде захватчики, везде поборы».

Послелог *аркаһында*, *айканлы*, *сәбәпле* «по причине, из-за, вследствие, в связи» между собой синонимичны и, будучи употреблены с основным падежом существительных и притяжательным падежом местоимений, обозначают причину совершения или несовершения действия: Тәүҙә йәшерен, ә һуңынан асыктан-асык алып барылған агитация *аркаһында* безҙең халдаттар Дутовка каршы барыу өсөн яҡшы әзерләнгәйне (З.Вәлиди) «Из-за подпольной, а затем открытой агитации наши солдаты были хорошо подготовлены к наступлению против армии Дутова».

Послелог *тип* «с целью, по случаю, из-за, за, для того, чтобы».

В башкирском языке послелог *тип* употребляется с основным и назвательным падежами и выражает:

1. Целевые отношения: Бала *тип* тырышыу «стараться ради ребенка». Эйе, мәрхүм Григорий кеүек кеше һирәк осрай был донъяла, *ил тип* йән

атты (Ө.Хәкимов) «Такие, как покойный Григорий, редко встречаются в этом мире, он не щадил себя ради страны». Тик тороузы, бушка һәлпәнләүзе яратмай Алдарбай, йә йылкы көтөүзәрән барлап кайта, йә *һунарға тип* сығып китә (Н.Мусин) «Алдарбай не любит сидеть без дела, то сходит проверить табун, то отправляется на охоту».

2. Назначение предмета: *Истәлеккә тип* һаклай «беречь для памяти». Шуны кер төшөрмәй, *Бибешемә тип* һаклай инем (З.Биһшева) «Я берегла это для моей Бибеш, не давая и пылинке упасть».

Синонимичные послелого *өсөн* и *тип* могут одновременно употребляться в одном и том же предложении, выражая целевые отношения. Следует отметить, что в таких случаях послелог *өсөн* всегда предшествует послелогу *тип*: Батыев үзе алдан *танышыу өсөн тип* килеп еткән (Д.Исламов) «Батыев сам раньше всех приехал для знакомства».

В сложноподчиненных синтаксических конструкциях послелог *тип* выступает в качестве союза и служит для связи придаточного предложения с главным: а) придаточного цели: Тояк тауышы *сыкмаһын тип*, башта атлатып кына барзылар (М.Кәрим) «Чтобы не слышно было звука копыт, сначала ехали шагом»; б) придаточного изъяснительного: Капитан, больница изоляторында бындай диспут килеп сығыр, *тип уйламаган*, күрәһең, базап калды (Д.Бүләков). «Капитан растерялся, он, видимо, не ожидал, что в изоляторе начнется такой диспут».

Послелог *тарафынан* «по приказу, с разрешения», в сочетании с основным падежом имени существительного, обозначает логический субъект действия, при этом глагол употребляется в форме страдательного залога. *Командир тарафынан* кушылған бойорокто без бер һүзһез үтәнек («Ағизел») «Мы беспрекословно выполнили приказ командира».

Послелого *аша, аркылы, үтә* «через, благодаря, при помощи» выражают:

1. Опосредствованное действие. По своему значению они синонимичны и в контексте обычно взаимозаменяемы: Был хәбәр *Сәлиха аша* Сөнәгәткә лә килеп етте (Ж.Кейекбаев) «Через Салиху эта весть дошла и до Сунагата».
2. Пространственные отношения: Хәбибулла Сөнәгәткә заводта ук, кайтканда мотлак безҙең *ауыл үтә* кайт, атайымдарға сәләм әйтерһең, *тип* калғайны (Ж.Кейекбаев) «Еще на заводе Хәбибулла попросил Сунагата, чтобы тот возвращался через его

деревню и передал привет родителям». Рәшизә уларзан бер *өй аша* өләсәһе менән тора (Б.Рафиков) «Рашида и ее бабушка живут через дом от них».

Послелог *көйө, көйөнә, көйөнсә, килеш* «так, таким образом» употребляются с именами существительными, прилагательными, причастиями, указательными местоимениями и выражают обстоятельственное значение, выполняют функцию обстоятельства образа действия: *Ошо килеш* Садрислам озак уйланып ултырзы (Ф.Исәнғолов) «Задумавшись, Садрислам просидел в таком состоянии долго».

Послелог *урынына* «на место, вместо, как» выражает:

1. Замещение одного предмета или лица другим: *Ат урынына* һабанға, тырмаға үзөбез егелдек (Р.Байымов) «Вместо лошади сами впрягались в плуг, борону».
2. Замещение одного действия другим: Ул (Имай) кырандаста иреп, калгып *кайтыу урынына*, әле ары, әле бире әйләнеп, күсер Сәйетколдон тенкәһенә тейеүзән бушаманы (Һ.Дәүләтшина) «Вместо того, чтобы спокойно ехать, Имай ворочался то в одну, то в другую сторону, надоедая кучеру Саиткулу».
3. Сравнение одного предмета или лица с другим: Һин ул языу-сыларзы *һыу урынына* белергә тейешһең, улыкайым (Р.Байбулатов) «Ты, сынок, должен знать этих писателей как своих пять пальцев».

Во втором параграфе описываются послелог, употребляющиеся со словами в направительном падеже.

Послелог *тиклем, хәтле, саклы* «до, вплоть до, с» в башкирском языке сочетаются преимущественно с направительным падежом и выражают:

1. Значение пространственного предела: Сөнәгәттәр *Ергәнә тиклем* ат ялланылар (Ж.Кейекбаев) «Сунагат и его друзья наняли лошадей до Зиргана».
2. Указывают предел распространения действия во времени: Ә безгә *таңға тиклем* ун биш сакрымлап юл үтергә кәрәк (И.Насыри) «До утра нам надо пройти километров пятнадцать».
3. Полноту действия: Ул Сөнәгәттең *башынан аягына тиклем* карап төштө лә уның кейеменә иғтибар итте (Ж.Кейекбаев) «Он окинул Сунагата взглядом с головы до ног и обратил внимание на его одежду».

Послелог *карай* «к, в сторону, в направлении» в сочетании со словами, указывающими на место, т. е. при названиях пространства, выражает направление действия и выполняет функцию обстоятельства

места: Алмас менэн Ғалимә, кыз менэн кейәү егете кеүек, арбаға һыйынышып ултырып, *ауылға карай* юлландылар (Б.Ноғоманов) «Алмас и Галима, тесно прижавшись, как жених и невеста, сели в телегу и отправились в сторону деревни».

Послелог *карамаҫтан* «несмотря на, вопреки» выражает противительные отношения: Былай *йәш булуына карамаҫтан*, ғәйрәтле күренә ине әле ул крансы янында (Д.Бүләков) «Несмотря на юность, рядом с крановщиком он смотрелся богатырем».

Послелог *карата* в сочетании с существительным выступает в функции дополнения и выражает следующие значения:

- 1) применительно, относительно, в отношении, по отношению к: *дуҫка карата* «по отношению к другу», *был хәлгә карата* «по отношению к этому случаю»;
- 2) по случаю: *байрамға карата* сығарылған газета «газета, выпущенная по случаю праздника»;
- 3) в соответствии с: *эшенә карата* түләү «плата в соответствии с трудом или: плата по труду».

Послелог *табан, таба* «прямо к, по направлению» выражают пространственные и временные отношения: Таштимер әкрән генә боролдо ла *машинаһына табан* атланы (Д.Бүләков) «Таштимер медленно повернулся и пошел по направлению к своей машине». Михайла *төшкә табан* ғына кайтты (Ғ.Ибраһимов) «Михайла вернулся только к обеду».

Послелог *каршы* «против, напротив, к» в современном башкирском языке употребляется достаточно активно и выражает пространственно-временные, противительные и ряд других значений: *Уларға каршы* торған эшселәрҙең сафтары сайкалды, кызыл флагтар юғарыраҡ күтәрелеп елберҙәне (Ғ.Ғүмәр) «Ряды рабочих, стоящих напротив них, вздрогнули, красные флаги взметнулись вверх». *Төнгә каршы* Район үзәгендәге штабка алып барып ябалар (Б.Ноғоманов) «К ночи его отвозят в райцентр и запирают в штабе».

Послелог *күрә* «по причине, так как, поэтому, ввиду, из-за того что...» выражает причинно-следственные отношения, а также отношения равноценности, соответствия, необычности: Колхоз урамындағылар йыш кына, шишмә йыраҡ *булғанға күрә*, козок һыуы эсә (Д.Бүләков) «Живущие на колхозной улице частенько пьют колодезную воду из-за того, что родник находится далеко от них». *Атына күрә* – санаһы, *максатына күрә* – сараһы (Поговорка) «По коню и сани, по цели и средства».

Послелог *була* «из-за» выражает причинные и целевые отношения: *Гармунына була* Гимазиы Фатимаһы менән бергә туйға саҡырғайнылар (Д.Исламов) «Из-за его гармонии Гимадия вместе с Фатимой позвали на свадьбу».

В третьем параграфе рассматриваются послелогии, употребляющиеся со словами в исходном падеже.

Послелог *башка* «кроме, без, помимо, за исключением» выражают выделительно-ограничительное значение. В качестве его синонима в башкирском языке выступают также послелогии *тыш*, отчасти *бүтән*, *ғәйре*. Сөнәғәт хәҙер Фатиманы кеше ярҙамынан башка осратырға юл эҙләй (Ж.Кейекбаев) «Сунагат намерен сам, без чьей-либо помощи, встретить Фатиму». Якын-тирәлә ерек менән муйылдан ғәйре бер ағаста юк (Ә.Вахитов) «Кроме ольхи да черемухи, вокруг никаких других деревьев нет». Һөбәнән тыш Бохара яғынан килгән купецтар хайуандың муйынына асыл-ебәк тауарҙар килтереп эләр икән (Ж.Кейекбаев) «Кроме приза, бухарские купцы на шею животным повязывают и шелковые ткани».

Послелог *бирле* «с тех пор, с момента, с, начиная с...» обозначает продолжительность действия с какого-либо момента: Был йәйләү — бик иҫке замандарҙан бирле макталып килгән бай йәйләүҙәрҙән береһе (Һ.Дәүләтшина) «Это одна из байских летовок, хорошо известная еще с давних времен».

Послелогии *һуң*, *аҙаҡ* «с, потом, после, затем», *алын*, *башлап* «с, с тех пор», *алда*, *элек*, *әүәл*, *борон*, *элгәре* «до, прежде, раньше, перед» в сочетании с именем существительным также выражают временные, отчасти пространственные, отношения: Көслә май ямғырынан һуң һауа шул тиклем сафланып киткәйне, хатта һулап туйғыһыҙ (Д.Бүләков) «После майского дождя воздух так посвежел, что не надышишься». Хәҙер инде, ярлы башҡорттар үҙ ерҙәрән мәңгегә һата башлаған замандан алып, ер Ниязғол бай ҡулына инеп бөткән дә шулар эсендә Баланлы йәйләүе лә уға күскән (Һ.Дәүләшина) «С тех пор как бедные башкиры были вынуждены продавать свои земли, вся земля попала в руки Ниязгул-бая, в том числе и яйляу Баланлы оказался в его руках».

В Главе IV «Функциональные и семантические особенности союзов в башкирском языке» исследуются союзы.

Данная глава состоит из двух параграфов, в которых, рассматриваются сочинительные и подчинительные союзы.

Сочинительные союзы участвуют в осуществлении связи между равноправными компонентами синтаксической конструкции: Аҡ, һары

күбәләктәр, бал корттары, иңкештәр, *тагы* әллә ни хәт-ле төрлө бөжәктәр сәскәләрҙән сәскәләргә кунып байрам итә, сәскә ел-пеүестәр иренеп кенә һирәк-һаяк ергә яуа (З.Биешева) «Белые, желтые бабочки, пчелы, шмели, еще много-много разнообразных насекомых жужжат, перелетая с цветка на цветок».

Подчинительные союзы осуществляют связь между главными и зависимыми компонентами синтаксической конструкции: Куркыуым капыл әллә кайза китеп юғалды, *сөнки* күңелем тулды (М.Кәрим) «Страх мой вдруг куда-то исчез, так как захотелось плакать».

Сочинительные союзы.

Сочинительные союзы по функционально-семантическому признаку делятся нами на соединительные, противительные, разделительные, уточнительные.

Соединительные союзы выражают отношения одновременности, последовательности и отношения присоединения. К соединительным союзам в башкирском языке относятся союзы *һәм, йәнә, тағы, тағы ла, шулай ук, шуның менән бергә, шул ук ваҡытта, да-дә, та-тә, ҙа-ҙә, ла-лә, вә* (архаичная форма).

Союз *һәм «и, да* в значении *и*» выражает:

1. Одновременность явлений и действий: Урамға сыҡҡанда ба-шым шаулай *һәм* йөрәгем, ярһыған ат йөрәге һымаҡ, дөпөлдәп тибә ине (Ә.Вәли) «Когда я вышел на улицу, в голове у меня шумело и сердце билось, как у загнанной лошади».
2. Последовательность явлений, действий, событий: Бына шунан һуң мин хәбәрҙәр язғылай башланым, *һәм* ул ар газеталарҙа баһылып торҙолар (Ә.Вәли) «С тех пор я начал писать статьи, и они стали появляться в газете».
3. Причинно-следственные отношения: Язғы һыуыҡтан тейгән ауырыу уны аяҡтан йыҡты, *һәм* ул оҙаҡ йәшәй алманы (Я.Хамматов) «В весенние холода он простыл, и недолго прожил после этого».

Союз *да-дә, та-тә, ҙа-ҙә, ла-лә «и»* во всех тюркских языках представлен прежде всего как сочинительный (соединительный) со значением «и, также, а также, да также». Однако степень употребления данного союза в различных тюркских языках не одинакова. В башкирском языке *да* в значении союза выступает относительно редко. Как пишет Н.З. Гаджиева, «...практически далеко не всегда удается провести четкую границу между *да-дә*, выполняющим функцию союза, и *да-дә*, выступающим в качестве частицы» (Гаджиева 1973, 31). Пере-

ход частицы *да* в союз, считает она, осуществлялся постепенно. Следует отметить, что кроме основной – соединительной – функции союз *да* выступает и как противительный союз «а, но», а также как временной, условно-уступительный. Таким образом, на базе усилительно-выделительной функции частиц вначале при именах и глаголах, затем и в предложениях наряду со значением соединения развиваются значения противопоставленности двух действий, их обусловленности, временного соотношения, т.е. развиваются функции не только сочинительные, но и подчинительные.

Союз *да* очень часто употребляется между сказуемыми и выражает:

1. Последовательность, быструю смену действий, событий: Әлфиэ кырт кына боролдо *ла* йүгерә-атлай капканан сығып китте (Ф.Әсәнов) «Альфия резко повернулась и выбежала за ворота».
2. Усиление совершаемого действия при повторяющихся глаголах, соединенных союзом *да*: Елгәргестәрҙән тазарып сыжкан ашык транспортерҙар буйлап алтын йылғаһы төслө ағылды *ла* ағылды (Ф.Әсәнов) «Зерно после веялки золотым потоком текло по транспортеру».

Между компонентами сложных предложений, соединенных союзом *да-да*, устанавливаются следующие смысловые отношения:

1. Причинно-следственные: Шәһизә әбей кунакка сакырҙы *ла*, улар төнгә калды (Һ.Дәүләтшина) «Бабушка Шагида позвала в гости, и они остались у нее ночевать».
2. Противопоставление: Әхмәҙи ер хаҡы тураһында ауыз асқан ине *лә*, Тимербай уны туктатты (Ж.Кейекбаев) «Ахмади завел было разговор о стоимости земли, но Тимербай его остановил».

Союзы *тағы, тағы ла, йәнә* «также, еще». *Тағы, тағы ла* — функционально активные союзы. *Йәнә* является стилистическим синонимом союза *тағы* и преимущественно употребляется в письменной речи, постепенно приобретая книжный характер. Они выполняют соединительную функцию, при этом не только выражают повторность явлений, процессов, но и придают усилительное значение следующему за ними члену предложения. В составе простого предложения они соединяют:

- 1) подлежащие: Тимер юл эшселәре, тирмән эшселәре, *тағы* бер нисә башкорт егете коралланып алғандар (А.Таһиров) «Железнодорожники, рабочие мельницы, еще несколько парней из башкир вооружились»;

2) сказуемые: Күп уйландылар, кәңәшләштеләр, *тагы* тирәк янына килделәр, *тагы* уның башынан күперзе күзәтеп ултырзылар (З.Биешева) «Долго думали, совещались, снова приходили к осокорю и наблюдали с его вершины за мостом». Шунан *йәнә* сапты, *йәнә* туктаны (Т.Сәғитов) «Конь, резвясь, снова поскакал, снова остановился»;

3) второстепенные члены предложения: Балалар йортоноң баксаһындағы һауа арыш икмәге, әрем, бешеп еткән алма, *тагы* әллә ни хәтле йәнгә якын башка хуш естәр менән аңкып тора (З.Биешева) «В саду детского дома пахнет ржаным хлебом, полынью, поспевающими яблоками, еще чем-то до боли знакомым».

В сложносочиненных предложениях союз *тагы* обозначает повторность явлений, процессов, передаваемых частями данного предложения: *Тагы* вальс, *тагы* улар бергә бейей («Ағизел») «Опять вальс, опять они танцуют вместе».

Союзы *шулай ук*, *шуның менән бергә*, *шул ук вақытта* «также, в то же время, вместе с тем» выражают значение добавочного присоединения. Они соединяют однородные главные, а также второстепенные члены в составе простого предложения: Бейектән карап ултырыуы нисектер рәхәт, күңелле, *шул ук вақытта* һағышлы ла («Ағизел») «Сидеть и смотреть с высоты как-то хорошо, приятно и вместе с тем грустно». Тауыш Ғимрандың был ғазаплы ла, *шул ук вақытта* татлы ла уйзарын бүлдә (М.Хәйзәров) «Какой-то звук прервал думы Гимрана, горькие и в то же время сладкие».

К *противительным союзам*, выражающим понятия противоположности, противопоставления, относятся следующие: *ә*, *ләкин*, *әммә*, *тик*, *иллә*, *иллә мәгәр*, *бары*, *фәкәт*, *шулай ҙа*, *юкһа*, *юғиһә*, *шулай булһа ла*, *шуга карамастан*, *уның карауы*.

Союз *ә* «а, но» в составе простых предложений выражает противительную связь между однородными членами: Ул күреп түгел, *ә* ишетеп бик күп белә ине был ерзәрзе (З.Биешева) «Он знал эти края не воочию, а понаслышке».

В башкирском языке союз *ә* преимущественно употребляется в сложносочиненных предложениях. Между компонентами сложносочиненных предложений, соединенных союзом *ә*, устанавливаются сопоставительные отношения. Сопоставляться или противопоставляться могут различные объекты, лица, времена, процессы и т.д. Эш барған да кеүек, *ә* күнел урынында түгел (Р.Солтангәрәев) «Работа вроде идет, а душа не на месте».

Союзы *тик, фәкәт* «но, однако», выражая противительные отношения, одновременно обладает значением ограничительности: Урак вахыты етте, *тик* урырға ашлык кына юк ине (З.Биишева) «Время жатвы пришло, но только жать было нечего». Ауырлыктарзы күргән, *фәкәт* тамам бизмәгән (М.Ғафури) «Встречался с трудностями, однако не разочаровался».

Союз *ләкин* «но, однако» выражает логически сильную противительную связь между частями сложносочиненных предложений и однородными членами предложения: Эйе, алда бит уны ауыр, *ләкин* хөрмәтле эштәр көтә (З.Биишева) «Да, впереди его ждут трудные, но почетные дела».

Союз *әммә* «но, однако» характеризуется значением конкретизации противопоставляемых предметов, явлений, действий: Хәмиттең йөзөнә каты ризаһызлык сыкты, һәм ул һәк кына, *әммә* каты итеп әсәһенен һүзән бүлдә (З.Биишева) «По лицу Хамита было видно, что он очень недоволен, и он вежливо, но твердо прервал свою мать». Союз *әммә* выражает противительное значение без оттенка ограничительности. Он наиболее характерен для письменной речи.

Союзы *юкһа, юғиһа* «иначе, а то» выражают сопоставительно-пояснительное отношение между компонентами сложносочиненного предложения. Последующая часть предложения, которая начинается союзами *юғиһа, юкһа*, несет больше пояснительной информации с семантикой конкретизации, уточнения: Моғайын, был ат мине аска үлеүзән коткарыу өсөн йөрөйзәр, *юғиһа* бер үк хайуан ике тапкыр күренмәс ине (Устное народное творчество) «Наверно, этот конь хочет спасти меня от голодной смерти, иначе одно и то же животное не появилось бы два раза».

Союзы *иллә (иллә) мәғәр, шулай ҙа, шулай булһа ла, шуга карамаҫтан, шулай булыуға карамаҫтан* «но, а, однако, тем не менее, все таки» выражают отношение противопоставления: Театрҙа һалкын, *шуга карамаҫтан* халыҡ күп килгән (Б.Бикбай) «В театре холодно, тем не менее пришло много народу».

Разделительные союзы указывают на взаимоисключение, несовместимость или предполагают равнозначность повторяющихся действий. Если в первом случае одно действие исключает возможность другого действия, то во втором случае несколько действий равномерно повторяются. В современном башкирском языке активно употребляются и те, и другие разделительные союзы.

К первому типу относятся союзы *йә-йә, йәки, йәиһа, ни-ни, әллә, йә*

булмаһа «или, или...или». Посредством этих союзов выражается связь между взаимоисключающими явлениями: Ниңә шулай икән — үтә рәхәт булғанда кеше *йә* оса, *йә* йөзә һымак (М.Кәрим) «Почему, когда человеку хорошо, ему кажется, что он как бы или летает, или плавает». Уныһы үпкәләпме, *әллә* оялыпмы, баш тартып маташты (Б.Рафиков) «Он, то ли обидевшись, то ли смутившись, стал отказываться».

Союзы второго типа *берсә-берсә, бер-бер, әле-әле* «то... то» обозначают последовательность, регулярную повторяемость явлений и действий: Ул *бер* атайға, *бер* Оксанаға, *бер* миңә карай (М.Кәрим) «Он смотрит то на отца, то на Оксану, то на меня».

Уточнительные союзы.

В нашей работе мы придерживаемся мнения тех исследователей, которые союзы *бәлки, йәғни, хатта* выделяют в отдельный разряд сочинительных союзов и определяем их как уточнительные союзы (ГСБЛЯ 1981; Мусаев 1980; Киекбаев 1983; Татарская грамматика 1993).

Союз *йәғни* «то есть» выражает уточнительные отношения. Эти отношения могут быть между главными и второстепенными членами предложения: Был осрашыу, *йәғни* әлеге һөйләшеү кабинетта булып кеүек ине (Д.Исламов) «Казалось, что эта встреча, то есть нынешний разговор, должны были состояться в кабинете».

В башкирском языке некоторые частицы и вводные слова часто служат для уточнения смыслового отношения между однородными членами и компонентами сложного предложения, т. е. выполняют функцию союза, однако при этом они не теряют своего модально-оценочного значения. К ним следует отнести вводное слово *бәлки* и усилительную частицу *хатта*. Союз *бәлки*, кроме обозначения уточнительного отношения, обладает также оттенком противопоставления: Ямғыр туктамай, *бәлки* тағы ла шәберәк яуа бирә («Башкортостан кызы») «Дождь не перестает, а усиливается». Частица *хатта* также выступает как уточнительный союз, однако при этом сохраняет усилительное значение: Улар (сәскәләр) шул хәтле тере, *хатта* уларзың куш естәре танауға бәрелеп торған һымак (З.Бииншева) «Цветы казались как живые, что в комнате как будто даже их запах чувствовался».

Подчинительные союзы.

Подчинительные союзы передают причинные, условные, уступительные, целевые, изъяснительные и другие обстоятельственные отношения, то есть каждый союз уже сам по себе характеризует определенный тип зависимой части.

По функционально-семантическим признакам подчинительные

союзы делятся нами на причинные союзы, союзы условия, следствия, уступительные и сравнительно-уподобительные.

К причинным союзам относится союз *сөнки* «так как, ибо, потому что, поскольку», который выражает причинные отношения между компонентами сложноподчиненных предложений: *Сөнэгәт Ташбатканға кайтырға булды. Ул шатланды, сөнки ауылды ул бер нисә йыл күрмәне (Ж.Кейекбаев) «Сунагат решил вернуться в Ташбаткан. Обрадовался, поскольку он не был в деревне несколько лет».*

Союзы условия *эгәр, эгәр ҙә, эгәр ҙә мәгәр* «если» передают условные отношения, т.е. обусловленность одного действия другим: *Әгәр Рәшиҙә әбейҙең килгәнен күрһәләр, ҡыҙҙар шунда уҡ мендәрме, баласмы сығарып биргән булырҙар ине (К.Мәргән) «Если бы девочки увидели, что идет бабушка Рашида, то вынесли бы ей или подушку, или палас».*

Союзы следствия *ки, хатта, шуға, шуға ла, шуға күрә, шуның өсөн, шул аркала, шул сәбәпле, шулай булғас, шулай итеп, шунлыктан, шуның һөҙөмтәһендә, тимәк* «поэтому, вследствие» обозначают изъяснительно-следственные отношения в сложноподчиненных предложениях: *Был ҡарар ғәзәл һәм тормошсан ине, шуға күрә лә дөйөм хуплауға лайыҡ булды (М.Кәрим) «Это решение было справедливым и естественным, поэтому все его одобрили». Байтаҡ ерҙе лә ҡулдан ытҡындырырға тура киләсәк, шуның өсөн уны хәҙергә бөтөнләй түләмәскә кәрәк (Һ.Дәүләтшина) «Много еще земли придется потерять, поэтому сейчас за нее вообще платить не надо».*

Уступительный союз *ғәрсә* «ибо, хотя» в современном башкирском языке встречается только в письменной речи, он употребляется для связи придаточных уступительных предложений с главным: *Ғәрсә татарҙарҙан укы-мышлы бөйөк кешеләр күп булһа ла, дини мәктәптәрҙә мөзәриһтәр араһында башҡорттар ҙа байтаҡ (Р.Байымов) «Хотя среди татар много просвещенных людей, среди преподавателей медресе немало и башкир».*

Сравнительно-уподобительные союзы: *гүйә, гүйәки* употребляются преимущественно в письменной речи: *Зәңгәр күктә дәртле моң койола, Гүйә кемдер уйнай ҡурайын (Р.Ғарипов) «Льется задорная песня по небу, словно играет кто-то на курае».*

Глава V «Функционально-семантические особенности частиц в современном башкирском языке» посвящена описанию частиц башкирского языка.

Данная глава состоит из 7 параграфов, в которых детально анали-

зируются функции частиц башкирского языка, дается классификация частиц по значению и синтаксическим функциям. Особое внимание обращается на те случаи, когда частица одновременно выполняет двойную функцию: частицы и союза.

Следует отметить, что не только в башкирском языкознании, но и в тюркологии в целом частицы не получили достаточно полного и всестороннего описания. В башкирском языкознании данная категория слов специально не изучалась. Эта многогранная категория в основном представлена в научных грамматиках башкирского языка. Хотя они и дают обобщение огромного материала по частицам, но все же ограничены рамками учебных пособий, в них многие положения представляют собой общие выводы и остаются не раскрытыми и не детализированными во всем своем многообразии. Кроме того, функциональные частицы, т. е. слова, находящиеся на стадии перехода в частицы, спорные пограничные явления не находят отражения в этих грамматиках. В нашей работе наряду с собственно частицами рассматриваются и функциональные частицы, а также различные переходные формы, т. е. затрагиваются вопросы омонимии (и соответственно, связанной с ней проблемой конверсии) частиц, решение которых необходимо для более полного изучения современного развития служебных слов и отражения результатов исследований в грамматиках.

Частицы выделяются как часть речи в составе служебных слов: они не самостоятельны, не выражают лексических значений, не имеют морфологической структуры, не выполняют функции членов предложения. Частицы не вписываются не только в школьную схему предложения, но и в словари и грамматики. В «Грамматике современного башкирского литературного языка» и в других грамматиках определенного списка частиц не дается. Размытость списка частиц связана с тем, что они одновременно и многозначны, и синонимичны. Так, в башкирском языке многозначными являются частицы *кына/кенә, ғына/генә, инде, да/дә* и др. И в то же время многие частицы синонимичны — в основном со значением «ведь, же»: *ла баһа, да/дә, бит, шул* и другие.

Многогранностью значений частиц во многом объясняется разницей в количестве семантических групп даже в рамках одного и того же языка, что наглядно видно на примере практически всех тюркских языков, в том числе и башкирского.

Обычно классификация частиц проводится только по семантическому признаку, но семантика частиц весьма многообразна. В то же самое время попытка учесть все возможные значения, задаваемые контекстом речи, приводит к тому, что классификация по одному основа-

нию оказывается практически невозможной, вследствие того что чуть ли не каждая частица представляет свой собственный класс. Не все частицы еще выявлены, еще окончательно не решен – и не только в тюркологии – вопрос о том, что считать частицей.

Это связано с тем, что нередко одна и та же частица передает разнообразное содержание, которое реализуется только в контексте, т.е. предопределено с внеязыковой реальностью, не находящей в речи иного отражения, кроме как с помощью частиц. Частицы в таких случаях не столько передают то или иное значение, сколько указывают на него. Они отсылают слушателя к фоновым знаниям, в ситуации речи никогда не реализуемым. В этом одна из причин того, что в семантических классификациях непоследовательность и даже противоречивость оказывается практически неустранимой. Кроме того, во многих грамматиках одни и те же частицы попадают в разные разряды. В классификации частиц в тюркских языках наблюдается отсутствие единых принципов и критериев, а также терминологический разнобой. Отсутствие единства в классификации частиц по функциям и их значениям в тюркских языках имеет свои объективные и субъективные причины, связанные со степенью разработанности теоретико-методологических проблем языкознания.

Таким образом, можно отметить следующее:

- Во-первых, данная категория серьезно не изучалась, привлекаемый к исследованию материал явно не достаточен для обобщающих выводов;

- Во-вторых, в основу классификации частиц кладутся несопоставимые друг с другом критерии: значение и функции, состав, происхождение.

- В-третьих, частица – сложная и многогранная категория и трудно поддается классификации на основе традиционных подходов. Это вполне понятно, ибо их значения отличаются друг от друга тонкими нюансами, во многом зависят от контекста, речевой ситуации, к тому идет постоянный процесс появления все новых и новых оттенков значений у старых и образования новых частиц путем грамматикализации знаменательных лексических единиц.

На основе анализа функциональных значений частиц мы выделяем следующие основные разряды: 1) модальные, 2) указательные, 3) определительно-уточняющие, 4) вопросительные, 5) ограничительно-выделительные, 6) усилительные, 7) отрицательные.

Модальные частицы по своему значению весьма разнообразны. Среди них различаются акцентирующие, побудительные и гипотетические частицы.

К акцентирующим частицам относятся *да баһа/дә баһа, та*

баһа/тә баһа, ла баһа/лә баһа, за баһа/зә баһа, да/дә, та/тә, ла/лә, за/зә, бит, шул, ул, әле.

Частицы *да баһа/дә баһа, та баһа/тә баһа, ла баһа/лә баһа, за баһа/зә баһа* широко употребляются в различных стилях современной разговорной и письменной речи. Говорящий посредством этих частиц выражает твердую уверенность в реальности или отсутствии событий, явлений, предметов, о которых идет речь в предложении. Байзың кәйефен бозорлок бер нәмә лә эшләмәгәндәр *зә баһа* улар (Я.Хамматов) «Они же ничего такого не сделали, что испортило бы баю настроение».

Частицы *да баһа/дә баһа* и др. могут выражать различные чувства и эмоции: а) *удивление, восхищение*. Тауышы ниндәй бит, тауышы! Таш йөрәктәрзә иретерлек *тә баһа* (З.Биишева) «А голос-то, голос! Даже каменные сердца может растопить»; б) *обиду, досаду, сокрушение*. Без әрепләшергә тип килмәгәйнек *тә баһа* (С.Мифтахов) «Мы же не ссориться сюда пришли»; в) *радость*. Эштәр ыңғайға бара *ла баһа* (Ә.Хәкимов) «Дела ведь налаживаются».

Частнцы *да/дә, та/тә, ла/лә, за/зә* выражают различные модальные, эмоционально-экспрессивные оттенки, которые в известной степени зависят от значения и формы предыдущего слова.

В башкирском языке частицы *да/дә, та/тә, за/зә, ла/лә* очень часто выполняют утвердительно-усилительные функции: Мәликә йәйләүен бәтә һыйыр һауыусылар өсөн дә тәжрибә мәктәбе итеп куйыу уйы тыуыуы Әхнәфтә. Бына хәзер шул турала кыззар менән һөйләшеү өсөн Камышлы үзәнәндәге баһу юлы буйлап ерән алашаһын *ашықтыра ла* (Д.Исламов) «У Ахняфа появилась идея сделать яйлау Малики школой передового опыта для всех доярок. Вот и погнал он рыжего мерина по дороге вдоль лощины Камышлы, чтобы переговорить об этом с девчатами».

В разговорной речи довольно часто употребляется конструкция из двух или более глаголов повелительного наклонения с частицами *да/дә, та/тә, за/зә, ла/лә* типа *кайт та кил* «возьми да вернись», *һөйлә лә ташла* «возьми да расскажи» с особым модальным оттенком, указывающим на неожиданное, внезапное совершение действия в прошлом. Академик В.В. Виноградов называет эту форму «прошедшим временем мгновенно-произвольного действия», которая обозначает «действие прошедшее, стремительное, мгновенное, представляющееся внезапным, немотивированным актом воли действующего лица» (Виноградов 1972, 601). Он пишет: «...в современном языке эти формы прошедшего времени не имеют ничего общего с повелительным на-

клонением. Это особые аналитические формы глагола, лишь отчасти омонимичные с формами императива (Виноградов 1972, 549). Частицы *да/дә...* в составе этих конструкций способствуют выражению внезапности, неожиданности совершения действия. Употребление таких форм способствует достижению живости рассказа, изображению быстроты совершаемого действия. Они имеют ярко выраженную стилистическую окраску и свойственны экспрессивной речи с разговорной окраской. От императивных форм их отличает особая интонация неожиданности: Килә торғас, ниндәйзер бер тимергә *эләк тә йығыл* (Т.Фи-ниәтуллин) «Шел да вдруг об какую-то железку споткнись да упали».

В башкирском языке частицы *да/дә, та/тә, ла/лә, за/зә* служат для усиления экспрессивной окраски высказывания при соединении членов перечислительного ряда, а также частей сложносочиненных предложений, т.е. выступают в функции союзов: Гармун тауышы *ла*, Әлфиәнең йөрәк түренән урғылып, ташып сыккан йыр тауышы *ла* һаман көсәйә барҙы (Ф.Әсәнов) «И звуки гармонии, и душевная песня Альфии звучали все сильнее и сильнее». Шул сакта күргәйне бит ул кыҙҙы. Күргәйне *лә* юғалтҡайны (Н.Мусин) «Видел же он тогда эту девушку. Видел да потерял».

Частица *бит* – активно употребляющаяся утвердительно-усилительная частица. Она, как правило, употребляется в составе сказуемого и занимает постпозитивное положение: Насип булғас, бына тағы килеп тап булыштыҡ *бит!* (М.Хәйзәров) «Раз судьба так распорядилась, вот ведь встретились опять».

Частица *бит* имеет то же модальное значение, что и частица *да баһа*: а) усиливает высказывание с оттенком *подтверждения*: Күрше-тирә аптырап китте: донъяла барлығы-юклығы *ла* беленмәгән Аллаяр кайтып төшкән *бит* (Ф.Исәнғолов) «Соседи были удивлены: вернулся ведь Аллаяр, о существовании которого давно забыли»; б) выражает *восхищение, удивление*: Һезҙең яктарзың тәбиғәте бик гүзәл *бит!* (Д.Исламов) «В ваших краях ведь удивительная природа».

Частицы *ул, шул*.

Личное местоимение *ул*, по мнению Н.К.Дмитриева, первоначально являлось указательным местоимением и использовалось в функции аффикса *сказуемости* при именах (Дмитриев 1948, 99). Действительно, в башкирском языке встречается конструкция типа Ул – ыҙыусы ул «Он студент он». Для башкирского языка является характерным употребление местоимения *ул* в функции частицы. Так, частицы *ул, шул* в процессе общения часто употребляется для констатации полной уверенности в достоверности содержания высказывания. Батшаның мани-

фесы — капкан ғына ул (Н.Дәүләтшина) «Царский манифест — ведь всего лишь капкан». Без унда иң бәхетле көндәребезҙе йәшәнек шул (Ф.Исәнғолов) «Там ведь у нас прожиты самые счастливые дни».

Побудительные частицы: *-сы/-се, -со/-сө, әле, инде, -һана/-һәнә*.

Постпозитивные частицы *сы/-се, -со/-сө* выражают различные чувства и эмоции: желание, просьбу, мольбу, приглашение, совет, сожаление, безразличие, недовольство: Туктағыз, көтөгөз, ул хәтле *ашыкмағызсы*, күз алдымдан юғалмай *торогозсо*, минең кәзерле минуттарым! (З.Биешева) «Погодите, пойте, не торопитесь так, не пропадите, минуты, драгоценные мои!» Акһакалдар! Сабыр итегезсе. Һүзҙәремә колак һалығыз! (М.Кәрим) «Аксакалы! Погодите же. Выслушайте меня!» Әй, китсе-китсе, ошондай көндө өйҙә тормасы (З.Биешева) «Надо же, в такой день не оказаться дома».

Частица *әле* сочетается со всеми формами времени и наклонений: *килдә әле, килгән әле, килгәйне әле, килдем әле, кил әле, килһен әле, килер ине әле, киләйек әле, килмәксе әле, килһенсе әле и т. д.* Она является специальным контекстуальным показателем просьбы. В зависимости от контекста, ситуации речи, лексического значения глагола повелительного наклонения, частица *әле* может придать побуждению более смягченный характер. Примеры: — Йә ташла *әле*, Ефим ағай, һөйлә *әле!* (Ф.Хәйри) «Да брось ты, дядя Ефим, расскажи-ка!»

Частица *инде* служит для выражения различных эмоциональных оттенков. Посредством этой частицы говорящий передает свою уверенность в достоверности содержания высказывания: Киткәненә бишенсе көн *бит инде* (Н.Мусин) «Ведь уже пятый день, как он уехал»; выражает волеизъявление, просьбу, недовольство и т.д.: Туктағыз *инде*, ярһымағыз (А.Таһиров) «Остановитесь же, не кипятитесь». Ата-бабанан ер-һыу биләп кил дә, бөгөн килеп, ерһез-һыуһыз тороп кал *инде* (Ф.Хәйри) «Всю жизнь владеть землей — и в одно мгновение останься-ка без ничего».

Гипотетические модальные частицы *-дыр/-дер, -зыр/-зер, -лыр/-лер, -тыр/-тер, әллә* имеются во многих тюркских языках. Они служат для выражения сомнения и предположения, а также неуверенности: Ул йомош менән килгәйне, тик һине һорап, дәрәжәһен артык төшөрәргә *теләмәгәндер инде* (Р.Солтангәрәев) «Он с просьбой приходил, только тебя не спрашивал, видимо, не хотел унижаться». Тыуған иленә *кай-таһы килгәндер* (А.Карнай) «Видимо, захотел вернуться на родину».

Вопросительные частицы.

В современном башкирском языке функционируют следующие

вопросительные частицы: *-мы/-ме, -мо/-мө, -мы ни/-ме ни, -мо ни/-мө ни, -мы ыкән /-ме ыкән, -мы әллә/-ме әллә, -мы һуң/-ме һуң, -мы ыкән ни/-ме ыкән ни.*

Несмотря на то что вопросительные частицы являются одним из основных средств грамматического, а также модального оформления вопросительных предложений, их роль в высказывании выявлена недостаточно. Исследования показывают, что функции вопросительных частиц в тексте не ограничиваются только оформлением и выражением вопроса. Хотя эти частицы и лишены статуса модальных, они совмещают в себе не только вопросительные, но и модальные значения, а также придают эмоционально-оценочные оттенки высказываниям, в которых актуализируются. Вместе с тем вопросительные частицы выполняют в тексте связующую, т.е. союзную функцию.

Вопросительные частицы придают значение вопроса как всему предложению, так и отдельным членам предложения. В первом случае вопросительная частица находится в составе сказуемого, на которое падает логическое ударение: *Һезҙең Бөркөтлөлә булғанығыҙ бармы?* (М.Кәрим) «Вы были в Беркутлы?»

М.З.Закиев вопросительные предложения делит на общевопросительные и частновопросительные. Частновопросительными он называет такие предложения, в которых спрашивается достоверность понятия, выраженного в других членах предложения, кроме сказуемого. В предложении «*Кисә лә һин калдыңмы?*» вопросительная частица *-мы*, хотя и входит в состав сказуемого, характеризует не его. Здесь вопрос относится к логически выделяемому члену предложения, который, как правило, находится непосредственно перед сказуемым, так же, как и в предложениях «*Һин Өфәһән килдеңме?*»; «*Йыйылыш кисә булдымы?*» и т.д.

В башкирском языке вопросительные частицы выполняют функции:

1. Разделительного союза между однородными членами: *Дөрөсмө, юкмы — тормош күрһәтер* («Башкортостан») «Правда ли, нет ли — жизнь покажет».
2. Подчинительного союза в составе временных или условных придаточных предложений: *Имәнгол Әйүповты күрҙеме — ене куба ла китә* (Н.Мусин) «Стоит только Имангулу увидеть Аюпова, так сразу из себя выходит».

Указательные частицы: *ана, бына.*

В тюркских языках, в том числе и башкирском, имеются частицы, которые, «...характеризуя сказуемое-предикат, находятся в синтагматически свободной позиции, т.е. формально не входят в состав какого-

либо члена, стоят в начале предложения и интонационно обособляются. К этой группе относятся прежде всего указательные частицы *ана*, *бына*» (Сибгатов 1984, 56). Эти частицы в составе ответных реплик преимущественно имеют собственно указательное значение: *ана* употребляется при указании на что-нибудь дальнее, *бына* – на ближнее: *Ана ята беззен ауыл!* (Р.Солтангәрәев) «Вон наша деревня!» *Бына июль кояшы, кызыл керпектәрен асылу киреп, ашыкмай ғына офокка якынлашты* (З.Биишева) «Вот июльское солнце, не спеша, грозно вздымая красные ресницы, приблизилось к горизонту».

Частица *бына* в сочетании с наречиями времени или с некоторыми существительными (обычно со значением времени) выражает или подчеркивает наступление какого-нибудь события: *Бына коштар за уяна башланылар. Озакламай таң атасак* (Д.Исламов) «Вот и птицы начали просыпаться. Скоро рассветает».

Определительно-уточняющие частицы: нәк, тап, кап, тас, кәнт, кәнде.

Названные частицы в сочетании с именами или именными словосочетаниями служат для уточнения, выделения, усиления их значения: *Тап шул һүззе әйттергәһе килә ине Шакмаңдың, тап шуны көтә ине Тамъян ырыуы-ның башлығы* (К.Мәргән) «Именно это слово и хотел услышать Шакман, именно его и ждал вождь Тамьянского рода»: *Нәк шул вакытта, урман яңғыратып, мылтык шартланы* (Т.Килмөхәмәтов) «И как раз в этот момент, загредев на весь лес, раздался выстрел».

Ограничительно-выделительные частицы: ғына/генә, кына/кенә, тик, бары, фәкәт, ук/үк, иһә.

Частицы *ғына/генә, кына/кенә*, которые могут ставиться после любой части речи, употребляются в башкирском языке очень активно и выражают различные оттенки значений:

1. Выделяя то или иное слово в предложении, они акцентируют на нем внимание и подчеркнуто указывают на единичность, исключительность обозначаемого лица, предмета или явления: *һин генә* «лишь ты», *кисә генә* «только вчера» и т.д. Варьирование семантической стороны зависит главным образом от контекста и речевой ситуации. Ул низер кыскырзы, ахыры, тик мин *генә* ишетмәнем (М.Кәрим) «Он, кажется, что-то крикнул, но только я не расслышал». Ләкин, нимә *генә* эшләмәһен, уға берәү зә ныклап ышанырға теләмәй (Р.Солтангәрәев) «Однако что бы ни делал, никто всерьез ему не доверял».
2. В зависимости от речевой ситуации в сочетании с некоторыми

- глаголами могут выражать модальные оттенки недовольства, угрозы, запрета, ограничения и т.д.: Хэзер Гэлэу йэн көйзөргөс берэй хэбэр ыскындырһын ғына! (С.Шәрипов) «Пусть только попробует Галяу что-нибудь плохое сказать».
3. В эмоциональных предложениях усиливают значение местоимений и наречий, с которыми они сочетаются, например: кем генә «кто только», касан ғына «когда только», кайза ғына «где только» и т.д. Данные частицы в таких случаях придают всему предложению модальные оттенки удивления, досады. Примеры: Кайзан ғына унда барып сыктым эле (Д.Бүләков) «И как это я туда попал».
 4. Со словами временного значения выражают предел ограничения времени действия: Исмаһам, бер минут кына күнелем күтәренке булһа... (Д.Бүләков) «Хоть бы только на минутку настроение поднялось...»
 5. В сочетании с прилагательными и наречиями указывают на ослабление качества, признака и т.п.: Шәп кенә барыу «идти довольно быстро»; матур ғына ауылда йәшәу «жить в довольно красивой деревне»; яғымлы ғына караш «довольно ласковый взгляд» и т.д.: Мин инде Ғүмәров ағай аманат итеп калдырған васыятты йәшерер өсөн, аласык мейесе астында бик ипле генә урын эзерләп өлгөргәйнем (Һ.Дәүләтшина) «Я же для того, чтобы спрятать завещание, оставленное дядей Гумеровым, успел приготовить в летовке довольно укромное местечко».

Частица ук/үк.

1. Употребляется со словами, указывающими на время действия для подчеркивания момента быстроты (немедленного) совершения действия: шунда ук «тогда же»; килгәс ук «сразу по приезду»: Хэзер үк Кәжән больницаһына озатырға! (Я.Хамматов) «Сейчас же отправить в Казанскую больницу!»
2. Употребляется со словами, указывающими предел совершения действия для акцентирования предела в пространстве: станцияла ук «встретить на самой станции»; ауылға ук барып етеү «дойти до самой деревни»: Тукай, урынынан һикереп тороп, тазрә янына ук килеп баһты ла, тынын да һак кына алып, тыңлай башланы (С.Кудаш) «Тукай вскочил со своего места, подошел к самому окну и, затаив дыхание, начал слушать».
3. В положении между основным и вспомогательным глаголом

частица *ук/үк* способствует усилению значения основного глагола: *Фәһимә иларға ук кереште* (М.Кәрим) «Фагима даже начала плакать».

4. При сочетании с некоторыми существительными, прилагательными и наречиями частица *ук/үк* способствует смягчению их значения: *өй улай ук* насар түгел «домик не так уж плох», *баян ук түгел* «уж не совсем баян» и т.п.: *Намаз ук түгел, бәләкәй генә* бер дини йыйылыш (С.Агиш) «Уж не совсем намаз, а так, маленькое религиозное собрание».

Частицы *бары, бары тик, тик, фәкәт* обычно находятся перед тем словом, которое они выделяют: *тик* һине «только тебя»; *бары* бер сәғәт «только один час». Данные частицы также могут относиться ко всему высказыванию, придавая ему большую выразительность и убедительность: *Тик* бер кыз ғына касып китә алған (Әкиәттән) «Только одна девушка смогла сбежать».

Отрицательная частица *ни* может придавать отдельным словам в составе предложения или целому предложению различные модальные оттенки: а) удивление, сомнение: – Балалар, эле һез бындамы *ни*? (М.Тажи) «Дети, вы разве все еще здесь?»; б) безразличие: *Кайтһа ни зә, кайтмаһа ни, барыбер түгелме ни?* (Р.Низамов) «Вернется или не вернется, какая разница?»; в) усиливает причину: *Ауырығас ни, бара алманым* (Һ.Дәүләтшина) «Заболел, вот и не смог прийти»; г) усиливает значение отрицания, выраженного глаголом: *Бирер, бирмәй ни* (мулла), *көтөп тор* (Һ.Дәүләтшина) «Жди, как же, (мулла) отдаст».

Усилительные частицы *бик, бигерәк (тә), иң, үтә, нык, салт, иллә, тороп, һәләк, гәжәп, гәйәт, шактай, айырата, ифрат, сикһез, артык, яман, уғата, бөтөнләй, сәм-, дәм-, тома, шау, шыр, япа-, көпә-, өр-, һап-, кап-, төп-, ап-* и др. относятся к разряду препозитивных, они обычно присоединяются к прилагательным и наречиям и способствуют усилению их значения: *Август аҙактарының кояш сатнап торған бик эсә, бик бөркөү* бер көнө (Н.Мусин) «Был один из очень жарких и душных дней конца августа». *Быйыл да йәйзең иң күркәм көндәрәндә ауылыма кайттым* (Я.Хамматов) «И в этом году приехал в деревню в самое хорошее время».

В заключении подводятся итоги проведенного диссертационного исследования.

Основные положения и результаты диссертационного сочинения отражены в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК для публикации материалов докторских диссертаций

1. Султанбаева Х.В. К вопросу о классификации служебных частей речи в башкирском языке. – Уфа: Вестник БашГУ, 2007, № 1. – С. 105-108.
2. Султанбаева Х.В. О разных подходах к классификации служебных частей речи в тюркских языках. – Челябинск: Вестник ЧелГУ, 2007, № 1. – С. 88-91.
3. Султанбаева Х.В. Исторические аспекты образования служебных частей речи в тюркских языках. — Уфа: История науки и техники (научное издание), 2007, №1. – С. 145-147.
4. Султанбаева Х.В. К проблеме выделения служебных частей речи в тюркологии. – Уфа: Вестник БашГУ, 2007, № 2. – С. 47-49.
5. Султанбаева Х.В. К вопросу о частицах в тюркологии. — Уфа: История науки и техники (научное издание), 2007, № 6. Спецвыпуск № 1. – С. 113-115.
6. Султанбаева Х.В. Основные направления изучения частиц в тюркском и башкирском языкознании. – Челябинск: Вестник ЧелГУ, 2007, № 13. – С. 117-121.
7. Султанбаева Х.В. К вопросу о происхождении служебных частей речи в тюркских языках – Челябинск: Вестник ЧелГУ, 2008. Выпуск 21 «Филология. Искусствоведение». – С. 163-169.

Монографии и учебные пособия

8. Султанбаева Х.В. Служебные части речи в современном башкирском языке: Монография. – Уфа: Гилем, 2002. – 176 с.
9. Султанбаева Х.В. Система служебных частей речи (на материале башкирского языка): Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2006. – 188с. (Рец. Санъяров Ф.Б. Файзалы эсбап буласак // Башкортостан, 2007. № 104 (2 июнь). – С. 3).
10. Султанбаева Х.В. Побудительность как функционально-семантическая категория. На материале башкирского языка: Монография. – Уфа: РУНМЦ ГКН РБ, 1999. – 142 с.

Статьи и материалы конференций

11. Султанбаева Х.В. Башкорт теле дәрестәрәндә киҫәксә һәм теркәүестәрҙең грамматик үзенсәлектәрен өйрәнеү // Башкортостан уҡытыусыһы, 2002, № 6. – С. 63-65.

12. Султанбаева Х.В. Хәзерге башкорт теле: Морфология. – Өфө, БДУ, 2002. – 39 с.

13. Султанбаева Х.В. Акцентирующие частицы в современном башкирском языке // Ядкяр, 2003, №1. – С. 72-76.

14. Султанбаева Х.В. Башкорт телендә эйә менән хәбәрзең ярашыу (ярашмау) мәсьәләһе // Башкортостан уҡытыусыһы, 2005, № 5. – С.29-31.

15. Султанбаева Х.В. Башкорт телендә раслау киҫәксәләре һәм уларҙың мәғәнә үҙенсәлектәре // Башкортостан уҡытыусыһы, 2005, № 11. – С. 35-37.

16. Султанбаева Х.В. Становление и функционально-семантические особенности союзов в башкирском языке. – Уфа: Вестник БашГУ, 2008, №1. – С. 90-92.

17. Хәзерге башкорт телендә бойорок мәғәнәһен белдереүсе грамматик формалар һәм конструкциялар // Туған тел һәм әҙәбиәт /өйрәнөү һәм уҡытыу мәсьәләләре/: Фәнни-практик конференция материалдары. – Өфө: БДУ, 1994. – 69-71-се биттәр.

18. О грамматической сущности функционально-семантической категории побудительности в современном башкирском языке: Материалы научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения Дж.Г.Киекбаева. – Уфа: Изд-е Башгосуниверситета, 1996. – С.88-90.

19. Выражение значения императива неимперативными формами: Материалы научной конференции аспирантов и студентов, посвященной 40-летию Башгосуниверситета. — Уфа: Изд-е Башкирского госуниверситета, 1997. – С.25-27.

20. Султанбаева Х.В. Категория побудительности в башкирском языке // Проблемы изучения и преподавания филологических наук. Ч.1.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Стерлитамак, 1999. – С. 132-137.

21. Султанбаева Х.В. Функционально-семантическая характеристика башкирского послелoga *өсөн* // Научная конференция по научно-техническим программам Минобразования России: Сборник статей и тезисов. Часть II. – Уфа: Изд-е Башкирского университета, 2000. – С.194-198.

22. Султанбаева Х.В. Русские предлоги и их соответствия в башкирском языке // «Закон о языке республики Башкортостан» и проблемы двуязычия: Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 10-летию факультета башкирской филологии и журналистики. – Уфа: Изд-е Башгосуниверситета, 2000. – С. 134-135.

23. Султанбаева Х.В. Послелог *менән* в современном башкирском языке // Научная конференция по научно-техническим программам Минобразования России: Сборник статей и тезисов. Часть II. – Уфа: Изд-е Башкирского университета, 2000. – С. 186-194.

24. Султанбаева Х.В. Послелог *менән* и его значения // На рубеже веков: отдельные вопросы общественно-гуманитарных и естественно-математических наук в трудах ученых Башкортостана. Материалы конкурса научных статей. – Нефтекамск, 2001. – С. 237-239.

25. Султанбаева Х.В. Модальные частицы как средство выражения оттенков волеизъявления // Урало-алтаистика: состояние, проблемы, перспективы. Материалы республиканской научной конференции. – Уфа, 2001. – С. 155-157.

26. Султанбаева Х.В. Проблема служебных частей речи в современном башкирском языке // Тәрки тел ғилеменән актуаль мәсьәләләр. Ғилми йыйынтыҡ. – Өфө: БДУ, 2002. – С. 221-229.

27. Султанбаева Х.В. Теркәүестәр // Хәзерге башҡорт әҙәби теле: Морфология. – Өфө: БДУ, 2002. – С. 336-349.

28. Султанбаева Х.В. Бәйләүестәр // Хәзерге башҡорт әҙәби теле: Морфология. – Өфө, БДУ, 2002. – С. 349-365.

29. Султанбаева Х.В. Ярҙамсы һүҙҙәрҙең үҙенсәлектәре, уларҙы башҡорт теле дәрестәрендә өйрәнеү алымдары // Урта һәм юғары уҡыу йорттарында башҡорт теле һәм әҙәбиәтен уҡытыу һәм өйрәнеү: Республика ғилми-ғәмәли конференцияһы материалдары. – Өфө: БДУ, 2003. – С. 178-180.

30. Султанбаева Х.В. Ограничительно-выделительные частицы в башкирском языке // Язык и литература в поликультурном пространстве. Материалы региональной научно-практической конференции «Язык и литература в поликультурном пространстве». – Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2003. – С. 216-224.

31. Султанбаева Х.В. Побудительные частицы в современном башкирском языке: Сборник научных работ. – Уфа: РИО Баш ГУ, 2004. – С. 224-228.

32. Султанбаева Х.В. Послелог в башкирском языке // Актуальные проблемы финно-угроведения. Материалы региональной научно-практической конференции. Часть 2. – Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2004. – С. 94-101.

33. Султанбаева Х.В. К проблеме изучения частиц в тюркологии // Актуальные проблемы башкирской, русской и тюркской филологии. Материалы научно-практической конференции, посвященной 95-летию Башгосунiversитета и 85-летию Мустая Карима. – Уфа, 2004. – С. 150-155.

34. Султанбаева Х.В. К проблеме послелого в тюркологии // Актуальные проблемы изучения и преподавания башкирского языка и литературы: в 2-х ч. Ч.II: Сборник материалов регион. науч.-практ. конф. 19-20 ноября 2004 г. – Sterlitaamak: Sterlitaamak. gos. ped. akademiya, 2005. – С. 179-181.

35. Султанбаева Х.В. Особенности функционирования союзов в современном башкирском языке // Актуальные проблемы изучения и преподавания башкирского языка и литературы: в 2-х ч. Ч.II: Сборник материалов регион. науч.-практ. конф. 19-20 ноября 2004 г. – Sterlitaamak: Sterlitaamak. gos. ped. akademiya, 2005. – С. 76-79.

36. Султанбаева Х.В. Конверсионное словообразование частиц // Актуальные проблемы башкирского, тюркского и сопоставительного языкознания: Сборник научных статей. К 70-летию дфн, проф., член-корр. АН РБ М.В.Зайнуллина. – Уфа: РИО Баш ГУ, 2005. – С.372-375.

37. Султанбаева Х.В. Союзы в башкирском языке // Башкирская филология: к 70-летию со дня рождения академика АН РБ З.Г.Ураксина. – Уфа: Гилем, 2005. – С.188-190.

38. Султанбаева Х.В. Вопросительные частицы в башкирском языке // Башкирская филология: история, современность, перспективы: Труды Всероссийской научной конференции. 14-15 октября 2005 г., г. Sterlitaamak. – Уфа: Гилем, 2005. – С. 136-139.

39. Султанбаева Х.В. Послелог *тип* в современном башкирском языке // Язык и культура в поликультурном пространстве: Материалы региональной научно-практической конференции. Вып. 2. 16-17 дек. 2005 г. – Бирск: Бирская гос. соц.-пед. академия, 2005. – С. 239-241.

40. Султанбаева Х.В. Послелог *һайын* в современном башкирском языке // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 15-летию со дня принятия Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан и 5-летию образования Нефтекамского филиала Баш ГУ. В 3-х ч. Ч.II. – Нефтекамск: РИО Баш ГУ, 2006. – С 263-266.

41. Султанбаева Х.В. К проблеме происхождения служебных частей речи // Профессор Дж.Г.Киекбаев и проблемы современной тюркологии: Материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2006. – С. 458-461.

42. Султанбаева Х.В. К проблеме классификации послелогов в башкирском языке // Вестник Бирск. СГПА, 2006. Вып. 9. Филология. – Бирск: Бирская гос. соц.-пед. академия. – С. 75-76.

43. Султанбаева Х.В. Семантика и функции вопросительных частиц (на материале башкирского языка) // Язык и литература в поликультурном пространстве: Материалы региональной научно-практической конференции «Язык и литература в поликультурном простран-

стве». Выпуск 3. – Бирск: Бирская гос. соц.-пед. академия, 2006. – С.65-67.

44. Султанбаева Х.В. Служебные части речи в башкирском языке // Наследие М.Акмиллы: взгляд через века: Материалы Международной научно-практической конференции 14-15 декабря 2006 г. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. – С. 234-238.

45. Султанбаева Х.В. Башкорт телендә һорау киҫәксәләре һәм уларҙың мәғәнә үҙенсәлектәре // Республиканская научная конференция «Башкирская духовная культура древности и средневековья: проблемы изучения», посвященная к 70-летию со дня рождения дфн, проф., член-корр. АН РБ Р.Н.Баимова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – С.220-222.

46. Султанбаева Х.В. Союзная функция частиц (на примере акцентирующих частиц башкирского языка): Материалы Всесоюзной научной конференции «Языковые и культурные контакты народов республики Башкортостан в условиях двуязычия», посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкортостана в состав России и Году русского языка в Российской Федерации. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – С.400-403.

47. Султанбаева Х.В. К вопросу о служебных частях речи в тюркологии // Гуманитарное наследие просветителей в культуре и образовании: Материалы Международной научно-практической конференции. 13 декабря 2007 г. III том. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2007. – С. 224-228.

48. Султанбаева Х.В. Частицы как средство выражения волеизъявления (на материале художественных текстов и фольклора) // Актуальные проблемы региональной фольклористики, литературоведения и лингвистики: Материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – С.200-203.

Султанбаева Хадиса Валиевна

**СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА
В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 14.04.2008 г. Бумага офсетная.
Формат 60х84/16. Гарнитура Times. Отпечатано на ризографе.
Усл. печ. л. 3,22. Уч.-изд. л. 3,53. Тираж 120 экз. Заказ 274.

*Редакционно-издательский центр
Башкирского государственного университета
450074, РБ, г. Уфа, ул. Фрунзе, 32.*

*Отпечатано на множительном участке
Башкирского государственного университета
450074, РБ, г. Уфа, ул. Фрунзе, 32.*

102